

ЛитРес:

Нани Кроноцкая
Марианна Красовская

МАЛЕНЬКАЯ хозяйка ДБОЛЬШОГО ДРАКОНА

Марианна Красовская

**Маленькая хозяйка
большого дракона**

«Автор»

2022

Красовская М.

Маленькая хозяйка большого дракона / М. Красовская —
«Автор», 2022

С большой скидкой купив на рынке умирающего дракона вместо лошади, Дарьяна сомневалась: по-хорошему надо было скотинку не мучить, добить, разделать и продать, но жалко же редкую зверушку. Выходила, откормила, запрягла в телегу... а накануне своей свадьбы отпустила на волю. Вот только дракон оказался далеко не прост, да и не совсем это дракон, а местами мстительный и вредный юнец.

Содержание

Пролог	5
1. Цветик-семисветик	7
2. Покупка	11
3. У разбитого корыта	14
4. В хозяйстве все стодится	17
5. Ночная охота	22
6. Дракон сельскохозяйственный	25
7. Купаем дракона	29
8. Ошейник	32
9. Свобода?	36
10. Привет, я дракон	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марианна Красовская, Нани Кроноцкая

Маленькая хозяйка большого дракона

Пролог

– И где же тут лошадь? – грозно спросила Дарьяна, упирая руки в боки и поднимаясь на носочки, чтобы казаться повыше.

– Конечно-конечно! Лошади нет никакой, вы так правы и дальновидны, прекрасная... – ласково согласился с девушкой торговец. Противный тип: чернявый, кудрявый, с блестящими лживыми глазами. – У нас есть много лучше! Сами взгляните, красавица: это же самый что ни на есть настоящий дракон!

– Какой это дракон?! – сурово ответила крохотная девица с жгучими черными косами, украшенными алыми лентами. – Глянь-ка: ящерица-переросток, заморыш и... – она взглянула брезгливо, словно пытаясь найти определение новому виду червяков. Не нашла, воздержалась, лишь сплюнула рядом на землю.

– Что вы, что вы, миледи, вы сами смотрите: вполне натуральный дракон! Вы пощупайте только. Вот хвост, вот загривок. Вполне и упитанный даже.

– Глаза разуйте! За кого вы меня тут решили держать, за бавырлу? Совесть выкинули по дороге на рынок, али стыда не видали и вовсе? Да каждый заяц знает: драконы – они с крыльями. С настоящими – а не как у куры. И здоровые, как дом, – подумала и добавила: – Во все два этажа.

– Так это боевая ипостась, вам ее точно не надо, красавица!

– Во-во. Так на кой мухомор мне боевой дракон в деревне? Не, мне лошадь нужна, прощайте.

– Да погодите же, милостивая госпожа! – заюлил торговец. – Я же о том вам и толкую. Ошейник же магический! Сами поглядите! Если его не снимать, то дракон будет вот такой – мирный, покорный. Ничуть не хуже лошади.

Дарьяна поглядела. Действительно, ошейник. Красненький, кожаный, с камушками и тиснением. Хорошая вещь, добротная. А что, если...

– Сколько, говорите, стоит ваша животинка? – уставилась она на чернявого, пытаясь сделать самый что ни на есть нищий вид.

«Сами мы не местные, семеро по лавкам, так есть хочется, что переночевать негде». Про себя проклинала глупую идею надеть на базар лучшее свое платье, да еще в косы шелковые ленты вплести. Да. Мечтала Гриньку своего встретить. Думала, увидит он ее такую красивую, проводить непременно захочет... Эх! А надо было рубаху надевать самую ветхую, авось и скидку бы выпросила сейчас.

– Двадцать золотых, госпожа.

– Сколько? – поперхнулась девица. – Уважаемый, вы вообще куда приехали? Тут на всю деревню десятка золотушек не найдется. Это даже с учетом золотого зуба старосты. Идите вы... на... в... в Итсбург, вот. Там, поди, найдутся желающие.

– А сколько у вас есть? – с надеждой спросил торговец, заметно грустнея.

Дарьяна посмотрела на «дракона». Тот лежал молча, тяжело дышал. Глаза его были затянуты мутной пеленой. Страшный. Облезлый весь. Серая невзрачная шкура потрескалась, кое-где даже бурые пятна на ней. Не такой уж и большой, особенно если не видно хвоста. Похоже, зверь этот помрет в ближайшее время. Или это она?

– А это самка или самец? – деловито осведомилась девица. – Если самка – она несет яйца? Все ведь знают, что драконы – они как куры.

– Это самец, – неуверенно сказал чернявый. – А это важно?

– Ну конечно, – всплеснула Дарьяна руками. – Самку бы взяла. Вы только представьте – омлет из драконьих яиц!

Ей показалось, или в мутных глазах дракона мелькнул разумный огонек? Очень-очень недовольный.

– Самец, – вздохнул торговец. – Абсолютно точно. Хотите под хвост заглянуть?

– Нет, мне лошадь нужна, – вздохнула Дарьяна, отходя и на всякий случай ощупывая кошель на поясе.

– Пятнадцать серебрушек!

Девушка остановилась. Ровно столько у нее и было. Не больше и не меньше. На эти деньги можно купить маленькое стадо коз или неплохого мерина.

Ну да, по деревенской девушке и не скажешь, что у нее есть столько денег. Но вообще-то Дарьяна – умная и предприимчивая, а еще скупердяйка каких мало. И век бы не потратила свои накопления, да что поделывать, если ее Маруся скопытилась? И вот вроде бы не особо ей и нужна лошадь. Но привыкла уже. В деревне, да одинокой бабе, без лошади тяжело. Хотя... ослика можно купить.

Вот. Купит она ослика. Дракона покупать – это уж совсем ополоуметь нужно.

Нет, Дарьяна, ты взрослая и разумная баба. Ослик – идеальный вариант.

Никаких этих драконов.

1. Цветик-семисветик

Итак, их было семеро. Семеро юных гениальных оболтусов, знавших друг друга едва ли не с рождения. Семеро неразлучных друзей. Все – иные. Два дракона, рысь, ворон, ведьма, маг и ведун.

Список их имен и фамилий красовался с завидным постоянством как в перечне лучших учеников иношкол, так и в реестре особенно провинившихся.

Заводилой, как всегда, была Элька, Элис Лефлог. Не девица, а настоящее стихийное бедствие, хуже цунами и всех ураганов во всех проявлениях. Воплощение хаоса. Только узнав об этом, стоило всем без оглядки бежать, но разве так делают? Их ведь много, они самая настоящая банда, если все уж собрались – как можно струсить, выйти из такой увлекательной и веселой игры?

И заклинание было такое – рассчитанное на семерых. Толстую книжечку с ним Элька где-то добыла, она вообще была крупным спецом по добыванию неприятностей. Видимо, это судьба.

Заклинание выглядело безобидным. Более того, каждый из веселой семерки его посмотрел и не нашел в нем подвоха – они всё же не самоубийцы. Просто игра, просто веселье. Первый раз, что ли?

Их подвело не чутье. Просто в лагере было так скучно... Экзамены позади, все уже поступили, осталась – муштра, палатки, плац и бесконечные тренировки. А тут – целое приключение.

Чертили семиконечную эту звезду, шутили друг над другом, что-то болтали про ритуал, желания все обдумывали.

Элька встала в центре и начала декламировать заклинание. Это было похоже на детскую игру: веселый стишок, все хохочут. Что-то там про миссию, про доселе неведомые чувства, про драгоценные подарки. В общем, даже понятно, что ее в этом заклинании подкупило. Элька, как и ее брат-близнец – драконы. Подарки, да еще и драгоценные – это вполне в их вкусе. Вот Элька дошла до строк, завершавших ритуал (что-то про цветочек) и вдруг запнулась, громко чихнув в самом важном месте веселого заклинания:

– ...быть по-моему вели: семи-пчхи-светик, откройся!

Потом было страшно: что-то рвануло, полет, искры взрыва, все громко кричали.

Гвидонис Лефлог всегда считал себя спокойным, умным и не по годам рассудительным драконом. Разумеется, похожим на отца, великолепного и несравнимого Ладона Лефлога, а как иначе? А теперь он – такой красивый, умный и подающий надежды дракон, лежал не пойми где, под чужим небом с зеленой луной, и мучительно вспоминал, что он такого загадал? Думал-то, кажется, только об ужине. А! Ну конечно! Брак родителей очень давно стал самым главным его желанием...

Сколько лет можно было водить хороводы? Они с сестрой уже взрослые, а эти двое все «думают». Как дети, право слово. И чего время терять? Если видишь, что женщина твоя – бери ее. Женись. Всё. В конце концов, развестись в наш век – не проблема.

Кивнул сам себе, довольный своей рассудительностью, попытался пошевелиться и... Не получилось.

Не просто не получилось, а тело вдруг пронзила резкая боль. Спустя пару секунд Гвидонис понял: мало того, что он тут валяется невесть где в ипостаси дракона, так еще и тело его буквально растянато толстыми веревками. Он себя внезапно ощутил бабочкой, пришпиленной булавками к картонке. Даже голову не поднять.

В спину между чешуйками противно впивалась стерня от скошенной травы, в животе ощутимо шумело, болела голова, он замерз. Голый и беззащитный, лежал наследник гордого рода драконов (еще совсем недавно могущественный, юный и прекрасный) на холодной земле под чужим небом. Вот спасибо, сестричка! Мелькнула гнусная и очень обидная мысль о том, что у кого-то из друзей заветное желание могло быть вот таким: его, Гвидониса, унижение. Может быть, у сестры?

Впрочем, здесь было все понятно и без домыслов. Просто он – идиот. Как можно было так слепо доверить сестре ритуал?

«Незабываемые приключения»? Всего лишь одно желание? Груда копченых морских пиявок! Никогда ни одно приключение Эльки еще не заканчивалось без жертв!

Что ж, с жертвой в этот раз определились быстро.

Кучка живодеров, понятия не имеющих об этике обращения с домашними животными (интересно, драконы – это крупный рогатый скот или экзотика?), убедила его в этом: быстро, надежно, бесплатно.

Крючья, воткнутые в самые нежные места его крупного тела, какие-то инквизиторские орудия пыток, да еще – этот жуткий дым. Дракона сильно тошнило, кружилась голова. А вдруг у него аллергия?

Погоди же, сестрица! Если он только вернется...

Было страшно – и даже несколько не стыдно за это. О чем так кричат его пленители? Пытаются делить его тушку? Окорочка по-драконьи, грудинка и шея?

Себя было жалко ужасно. Он еще так молод! Ничего не успел – ни выучиться, ни влюбиться по-настоящему, ни женщину толком познать! Весь его интимный опыт был очень скуден. Пару раз целовался, многократно подглядывал за подружками Эльки, потом еще Сигма – первая и единственная его «любовница». Зловредная девка с плоской грудью и острыми коленками, о нем она даже плакать не будет. И всё.

Неприятные людишки вокруг снова загалдели. Фу, какой некрасивый язык, будто тьяканы бешеных лис!

С невероятным трудом напрягая память, Даня вспомнил простейшее заклинание иных лингвистов. Надо же знать, блюда какой кухни украсит его хладный труп. И тут же прямо напротив чувствительной слуховой перепонки дракона толстый грязный мужик проорал:

– Мы его не дотащим до города! Больно дохл и грязен! Ветер, если эта тварь сдохнет, кто будет платить королевский штраф за дракона?

– Вот сам и заплатишь! – раздалось писклявое со спины. – Нечего было его держать в поле всю ночь. Ты просто струсил, беременный суслик.

Дракон вздохнул очень тяжело и приоткрыл один глаз.

– Он живой!

– Это ненадолго. Нам пять дней до ближайшей деревни. А кормежку дракону ты всю распродал еще по дороге сюда.

Словно в отместку живот Дани заурчал весьма громко и выразительно. Он вдруг понял, что умирать от голода не готов совершенно. Нет в этом никакой романтики. Открыл второй глаз и осмотрелся.

Впереди стояла огромная телега, запряженная четверкой лошадок: настолько худых, что их голодная смерть могла наступить даже раньше драконьей. Пол телеги засыпан был грязной соломой.

Возможности сбежать не было никакой: со всех сторон в его бедное тело были воткнуты копыя, упертые в землю. Этаким частокол. На шею гордому (еще совсем недавно) потомку древнего рода Лефлогов был надет странный ошейник. Судя по весьма неприятным ощущениям – блокиратор магических действий. Его персональная клетка.

К ошейнику вела внушительного вида цепь, за которую Даню тянули сразу несколько подозрительных типов.

Нет чтобы просто сказать, куда ему нужно идти, он, возможно, и согласился бы с ними без лишних споров. Потому что хотелось жить и, желательно, без боли и мучений.

Лапы не слушались, его ощутимо покачивало. Ни один идиот не додумался телегу застопорить, и при каждой попытке в нее погрузиться она отъезжала издевательски медленно. Битый час эти кретины мучались с элементарной задачей – погрузкой скотинки в тележку. Придурки, олигофрены в стадии критической дебильности. Ох... что бы он с ними сделал, не будь сам такими идиотом!

Когда цензурная лексика в словарном запасе молодого дракона закончилась, он громко и убедительно рыкнул, заставив невзрачных лошадок попадать, как от выстрелов. Толкнул мордой телегу, упирая ее в тощие их зады, и с трудом вполз туда сам.

Все, на этом его добрая воля закончилась. Дальше без него.

Прошептав мысленно сам себе усыпляющее заклинание, отключился. Не поест, так поспит, и пусть все горит в этом мире.

Все эти дни он заставлял себя спать. Его не кормили, напоили лишь дважды. Устраиваясь на ночевку, выводили к лесу, привязывая цепь к дереву.

– Иди гадь! – шипел его поводырь.

Он шел и гадил – пока было чем. Потом снова падал и спал.

И хотя Даня никогда не был избалованным мальчиком – клан Оркиных, где он родился и рос, был династией военных моряков – к такому жизнь его не готовила. В детстве он часто «работал» с мамой – военно-полевым хирургом. Летал с ней вертолетами, ел кашу с тушенкой из стальных мисок и спал в спальниках.

Сейчас же был даже не экстрим. Были пытки, причем унижительные. А он, между прочим, самый настоящий дракон, и для их древней расы нет ничего мучительнее унижения.

Утром пятого дня его разбудил удар палкой. Не то чтобы больно – спасала рептилья шкурка, но вполне неприятно. Пришлось открыть один глаз. На большее пусть не рассчитывают.

– Вылазь. Фу... как же он воняет! Ветер, он там не сдох часом?

– Пусть только попробует. Мне его еще надо продать.

– Ага, за приплату возьмут. Собакам скормить разве что. Откуда такой только взялся? Белый, как рыба вареная. Гадость.

Дракон выслушал диалог своих мучителей и закрыл глаз. Дохлый и дохлый, пусть сами и тащат.

После часа сражений, в ходе которого словарный запас Дена пополнился всеми возможными грязными ругательствами этого мира, телегу под ним разобрали.

Он так и лежал, как заправский енот – прикинувшись мертвым. Философски думал о судьбах драконов и превратностях жизни, о бесславной гибели единственного наследника великого рода... Эх. Прощай его жизнь, обещавшая быть бесконечной. Не было в ней ратных сражений...

Ощутимый пинок прямо в нежное рыльце дракона заставил его открыть сразу оба глаза. Отвлекаться от страданий дракон не планировал.

– Эй ты, дохлятина! Я знаю, ты слышишь. Если тебя тут не купит ни один идиот, то я самолично вот этот крючок воткну тебе в нос и дальше поедешь прицепом. Ты понял? Нам уже все равно совершенно – дохлого тебя привезти или как. Так что глазки открой и смотри очень жалостно.

«Крючок» в руке у мучителя выглядел весьма внушительно. Не то чтобы Даня еще был способен бояться... Просто не любил лишней боли.

Глаза он открыл.

А дальше была чередa унижений.

Селяне смеялись, тыкали в него палками, залезали под хвост. По чувствительной коже под мышками ползали мухи, в глаза лезли мошки.

И чертов ошейник давил уже прямо на мозг. Древняя кровь противилась, сила искала выход. И... не находила. Сегодняшний день должен был стать датой его преждевременной кончины. Как просто...

2. Покупка

Дарьяна держала в руке обрывок пеньковой веревки и кусала губы. Что теперь делать со своим внезапным приобретением, она не знала.

Драконы ведь – хищники. Чем она эту тварь кормить будет? Вот дура-то, о самом важном не подумала! А еще гордилась своей деловой хваткой.

А на деле оказалось, что Дара – обычная жалостливая баба, которая сирым и убогим помогает.

На глазки голубые купилась. А еще – он вздохнул, этот гад подыхающий, жалостно так и носом в подол ей уткнулся. Надо было бы пнуть его рыло коленкой, глядишь – оочурился бы прямо там же. Так нет – пожалела, как будто котенок то был, а не грязная туша драконья. Чертов змей!

Нет, конечно, если выковырять камушки из ошейника... да даже и не выковыривать... просто снять эту красивую штучку – и будет у нее пояс красоты неведомой, в таком хоть на праздник, хоть под венец иди. И стоит тот пояс этих несчастных пятнадцати серебрушек, тут даже она не сомневалась. Хотя и торговец далеко не дурак, но ладно – ему от падали избавиться нужно. Потому что недодракон этот как пить дать помирал.

Худющий настолько, что ребра видны, чешуя слоится, глаза слезятся, лапы заплетаются. Вот и как его до дому дотащить?

– Ничего, – успокоила дракона Дарьяна. – Сдохнешь так сдохнешь. Я с тебя шкуру сниму, продам бабке Авдотье на зелья всякие. И зубы на ожерелья пушу, шутка ли – драконьи клыки. А голову... а голову засушу и продам трактирщику. Он ее над стойкой повесит. Красиво будет.

Показалось ли ей, или дракон рыкнул тихонько? Или срыгнул? А потом просто лег посреди дороги. Лапы тихо поджал и свалился прямо в пыль.

У, зараза!

Дара пнула его хвост – несильно, но чтоб почувствовал. Нет, лежит! Дохлая ящерица, ну за что ей это наказание! Хотя знамо за что – за жадность и за глупость несусветную. Так, и что теперь делать? Прямо тут его разделать? Так ножа с собой нет. А пока бегаешь – тушку как миленькую кто-нибудь да приберет, даром что крупный, – растащат, народ у нас до чужого добра-то охоч.

– Даренька, а что это за тварь?

Ух! Увлеченная своими расчетами, Дарьяна и не заметила, как к ней подъехал самый красивый парень из соседней деревни – Гринька. В смысле, Григорий. Скорняк, между прочим. О! Скорняк! У него точно есть нож!

– Гришенька, скотина у меня сдохла, – сделала жалобные глазки Дара. – Вот что и делать, не знаю.

– Так вроде еще шевелится.

Дарьяна поглядела. Действительно, тварь дернула веком, на которое уселась муха.

– Давай добьем? – азартно предложила она. – Чтоб не мучался?

– Здесь? – усомнился парень. – Не стоит. Некрасиво, грязно и мухи. Да и тащить все в одном комплекте проще. Куда его надо, к тебе?

– Ну да. Нешто так прям потащишь? За хвост, да?

– Даренька, так у меня ж телега есть, – улыбнулся Гринька, а Дара им, как всегда, залюбовалась. Ох и хорош собой – смуглый, высокий, плечистый, кудрявый. Мечта, а не парень. – Ты обожди тут, я сбегаю.

Молча кивнула ему, мечтательно улыбаясь.

Гринька умчался, а Дарьяна огляделась. На травку, что ли, пока присесть? Да нет, не хочется. Подумала и села прямо на распластанного дракона. Ничего, не облезет. В смысле –

и без того уже сдох почти. От того, что на нем одна миниатюрная девушка посидит, ничего ему не будет.

Вот красивое слово – миниатюрная. Дара его вычитала в книжке. Ее-то в деревне все немощью кликали или мелочью. Или даже – комарихой. Потому что Дарьяна хоть и мелкая, но жужжит знатно и противная бывает ужасно. Потому и жениха пришлось в Погорелках при-сматривать, свои от нее бегали, как козлята от овода.

А и ладно. Гринька – хороший. Сильный, красивый, услужливый. А что не очень умный, так у Дарьяны ума на двоих хватит. От умных мужчин – для молодых одни лишь проблемы.

Гринька вернулся быстро и с телегой. Отстранив засуетившуюся Дарьяну, с трудом втащил тушу дракона на солому, усадил девушку и сам залез рядом. Поехали.

– Ну и зачем тебе дракон? – с улыбкой спросил он.

Дара ему тут же все и вывалила – и про чешую, и про когти с зубами, и про голову.

– Ну да, мясо-то его не слишком пригодно, – кивнул парень. – Ох, Дарьяна, до чего ж ты хозяйственная, слов просто нет! Мне б вот такую женушку!

– Так за чем дело стало? – Дара едва сдержала восторженный визг. – Сватов засылай, и сладим дело-то.

– Так неужто ты согласная?

– А чего нет-то?

– Ух ты! – Гринька вдруг весь расслаился. – А я ведь, Дарьяночка, только затем и ехал на базар, чтобы тебя хоть краем глаза увидеть. А мне сказали, что ты уж домой ушла. Я и побежал.

Батюшки-светы, неужто вот так и бывает? Неужто мечты сбываются? Дарьяна от счастья дышать боялась. Вот это да! А Гринька осторожно, так трепетно ее пальцы в свою ладонь взял да засопел носом. Наверное, тоже счастлив.

Дарьяна и не заметила, как они приехали к ее дому. Уж больно приятной вышла дорога. Гринька гладил ее ладонь пальцами – на большее не осмеливался – и разглагольствовал об их счастливом будущем.

– Твой домик продадим, жить будем с моими родителями, – вещал он. – Дом у нас большой, всем места хватит. С матушкой уж точно уживешься, она у меня славная. И с детишками потом поможет, и скучно не будет. А кур заберем, конечно. Хотя у тебя вон какой огород! Огород жалко.

Дарьянка жмурилась. Спорить было рано, но ни в какие Погорелки она, разумеется, не собиралась уезжать. Ее дом неплохой, крепкий, целых две комнаты и кухня. Крышу надо перестилать, да угол дома один этой весной покосился, так на то у нее мужик есть теперь. И забор бы подновить... и сарайчик поправить. И сенник поставить, ага.

Ну вот куда она поедет? И Малиновка – деревня славная. Тут у нее подруги, тетка двоюродная, трактир опять же. Тут и торговый тракт ближе, а значит – торговли больше. Кому Дара в Погорелках будет продавать свою вышивку? То-то же!

– Ну, куда твою животину сгружать? – деловито поинтересовался Гринька. – Где тут разделать ее лучше?

– Та возле сарайчика кинь пока. Я вот думаю... – Дарьянка с сомнением посмотрела на вздымающийся бок дракона. – А может, и не издохнет? Отпою его бульончиком. Шкурку поотрастит. Здоровая-то шкурка всяко дороже будет.

– Ну да, – быстро согласился парень, которому редкую зверушку явно было резать жалко и страшно – чай не коза, а всамделишный дракон. – К осени и решим. Все равно они, ящерицы эти, из теплых краев. Зимой не переживет, наверное.

Дара широко раскрыла глаза. Об этом она тоже не подумала. Ну конечно, звери-то местные все лохматые, где ж видано, чтобы змеи да ящерицы зимой выползали? Спят они под снегом всегда, а может, и дракон в спячку впадет? От дура-то!

– Да, – сказала она. – До осени. Выгружай его.

Не особо церемонясь, Гринька просто перевернул телегу. С громким шлепком облезлая серая туша выпала на траву.

– Чаю нальешь, хозяйка? – радостно спросил скорняк. – Поди и пироги у тебя есть?

– Щи есть, – обрадовалась Дарьяна. – Со сметаной. Может, пообедаешь, Гришенька?

Время-то уже к вечеру, умаялся ты...

– А чего бы и нет? – с готовностью согласился парень. – С радостью великою.

– погоди, только зверушке воды хоть налью. Может, пить сможет, – решила Дара. – А ты иди, Гришенька, умойся пока да за стол садись.

Но Гринька как мужик маленькую Дарьяну в сторону отодвинул, приволок от крыльца большое корыто и перевернул в него ведро воды, стоящее у крыльца. Дара только руками махала и восхищалась. Сам, молодец какой!

Потом она с умилением и некоторой тревогой наблюдала, как Гринька умял весь котелок со щами, да еще пряники все с чаем слопал. Однако! Ей бы одной этой пищи до исхода недели хватило!

Может, муж – это не совсем то, что ей нужно? Это ж готовить сколько придется? И уборка, и стирка, и еще... дети, бррр. Детей Дара не хотела. Пока. Рано. Вот только после свадьбы дети неизбежны. Никуда не спрячешься.

– Спасибо, Дарьянушка, накормила-напоила, – поблагодарил Гринька. – Пора мне. О, а зверушка твоя оклемалась, похоже.

Дарьяна заглянула за сарай. Дракон по-прежнему лежал без движения, но уже мордой в корыте. Совершенно пустом. Что ж, не помер и хорошо. Вот только чем его кормить? Вряд ли он будет овес или сено, как лошадь, верно?

Гринька уехал, оставив после себя пустой горшок, крошки хлеба и пыльные следы на полу. Дара вздохнула. Радость от неожиданного сговора уже закончилась, а проблемы остались. А ведь если сватов зашлют – что делать? Их хлебом-солью встречать надо. И не только. Нужно наливку из подпола доставать, а жалко. Наливка вишневая, хоть и прошлогодняя, но вкусная невероятно. Дарьяна ее планировала продать по осени на ярмарке. Теперь шиш. Сваты все выпьют. Беда.

Ой, а ведь Дарьяна сама-то сватов и не должна встречать, так не положено. Но и доверить это дело никому нельзя, тетка – она добрая, но мягкая. Ей как скажут: жена к мужу в дом идет – так она и согласится. Даже если Дара ей три дня иное талдычить будет. М-да, проблема! Ну да ладно. Может еще, родители Гриньки такую невесту не одобряют.

3. У разбитого корыта

Его снова унизили. Многократно, жестоко. Эта... хозяйка, купившая Даню, как будто скотину. Хорошо хоть под хвост не полезла. Хотя... Там бы ее ожидало откровение. Все драконы в любой ипостаси мужскими достоинствами были одарены... весьма и весьма основательно.

Странная очень девица. Он таких еще не видел. Настоящий маленький вихрь.

Да она, пока торговалась с его мучителями, вокруг него обежала раз двадцать!

Цокот ее каблучков, ни на что не похожий, он уже даже начал различать в шуме рынка.

И запах. Запах был невероятно манящим, головокружительным просто, хотя никаких особенных ноток он не различил. Вроде бы все просто: маленький этот торнадо пах мятой, сосновыми стружками и домашним уютом. Но хотелось нюхать ее снова и снова.

И пусть он подохнет, зато – с этим запахом.

Опять она пролетает мимо его морды. Не выдержал – уткнулся носом в колени, как бездомный пес, с дрожью ощутив ее руку на затылке. Горячую маленькую женскую руку.

Захотелось мурлыкать. Сделал глазки еще жалостливее. Девушки всегда таяли от его взгляда. Небесно-голубого, искристого, как февральский лед.

Сработало, конечно.

Унизительная процедура продажи, загрузка в телегу этого неприятного деревенщины, что к ней клеился, были уже и не важны. Мучительно хотелось пить, о еде он и не думал. Желудок слипся и о себе уже даже не напоминал. На лапы встать Даня просто не мог, как ни старался. Ну и ладно. Он жив, его больше никто не тыкает крючьями в пах, остальное – дело техники. И в больших переделках выживали гордые Лефлоги.

Всю дорогу дракон чутко прислушивался.

Хозяйка была хоть и простушкой, но совсем не проста. Как она ловко накручивала этого «Петрушку» – любо-дорого смотреть. И зачем ей такое чудо? Как самец? Ну конечно! Что-то дракону подсказывало, что ее соплеменник был способен совсем не на многое. И как самец – тоже.

За всю дорогу домой – и не сделать попыток девицу прижать? От нее же буквально разило женским запахом и бурей энергии. Огонь, а не девка. Повел чутким носом... – да, девственница, кремень у него хозяйка. Ух он бы...

А что он? Лапками пошевелить вон не может. Никаких больше способностей, ничего не осталось. Грязный, драный, голодный. Чешуйчатая шкура, набитая опилками.

Вздыхнул, еще раз незаметно рассматривая свою хозяйку. Ну ничего, малышка, мы еще повоюем. Я сделаю тебя повелительницей великого дракона.

Картина маслом – маленькая смуглая дева на спине могущественного потомка алмазных. Красота. И никаких женихов там не надо – краску только тратить на них. Все – вычеркиваем.

Ох, его, кажется, укачало: начинало истошно мутить от запаха мужского пота и портянок. Сам он и то лучше пах.

Выгрузку своего тела немощного пережил с равнодушием. Сил страдать уже не было. Эти двое еще так противно над ним ворковали, что вовсе стало тошно. Кто он в этом мире?

Кусок рептилоидного мяса на тоненьких лапках. Слабеньких тоненьких лапках. Никчемненьких. У него нет ни дара, ни магии, ни сил. Даже скромного обаяния, и... остальное на месте, но пока не в формате – увы.

Краем глаза он следил за происходящим во дворе. Простачок деревенский – ну вообще без мозгов, абсолютно. Зато хозяйка, вспомнив вдруг о существовании дракона, сжалилась и решила его напоить, схватившись за ведро. Такая маленькая – ведро чуть ли не с нее размером! Что она делает? А этот... чурбан так и будет смотреть на все это?

В длинном ряду очень ценных талантов, дарованных ему древними предками (и сейчас совершенно бесполезных), в самом хвосте стоял маленький такой талантлик – телепатия. Влезать в головы он мог лишь обычным людям, которых вокруг него с детства было немного. Процесс очень скучный, мысли людские были всегда одинаковы, да и управлять смертными быстро ему надоело. Зачем? Тем более, что прозорливые родственнички все подобные поползновения вычисляли и сурово пресекали. Хм-м-м...

Даня открыл глаза шире. С трудом поймал взгляд этого... как его... Грини.

Мать моя рыба, какая пустыня в голове у парнишки – Сахара: один саксаул, пара сусликов. Девственник и придурок. Кажется, крикни он мыслью в этом пространстве – и откликнется гулкое эхо. Надо попробовать.

Ну-ка, Гриня, воды принеси мне, прекрасному. Меня тебе жалко, я скотинка хорошая и в хозяйстве вам всем пригожусь.

Получилось. Одно было плохо: похоже, хозяйка решила, что это полено с кудряшками – рыцарь. Но выбирать пока не приходилось, а главное – хоть один дар, самый маленький, но в активе у Дани остался. Хоть что-то.

Дракон печально взглянул на корыто. Трещина сбоку, откуда понемногу утекала вся его драгоценная вода. Вода... А ведь он был не просто дракон, он был обладатель двойной ипостаси – подарка родителей, таких не похожих друг на друга и таких великих. Они с сестрой были драконы морские. Крылатые повелители глубин и покорители неба. Вздохнул, одним махом выпив живительную влагу.

Он справится.

В животе мучительно заурчало. Хорошо еще, что рептилии могут позволить себе голодовку неделями. Пока есть было нечего, дракон снова отправил себя в принудительный сон. Набираемся сил, они скоро понадобятся.

– Эй, чудовище. Ты занял мне целый двор. Как тебя сдвинуть-то?

Дракон открыл глаз. Ему нравилась эта новая привычка – смотреть на мир поэтапно: вначале лишь одним глазом. Может, второй нужен ему и не будет. Маленькая хозяйка не уходила. Руки в боки и снова подпрыгивает от нетерпения. Сколько в ней сил? Вся прям светится. Хорошо, дорогая хозяйка, посмотрю на тебя сразу двумя глазами.

Он поднял голову, медленно повернувшись к ней мордой. Подумал секунду и чуть поклонился.

– О! Ты все понимаешь, да? Ты ж моя умница. Не надо мне тут лежать, пойдем, для тебя есть сарайчик.

В руке у девушки был сухарик. Это она его так подманивала. Детка, мне этого сухаря – даже для вдоха не хватит. Ну хорошо, где там ваши сарайчики? С огромным трудом он поднялся на лапы. Спотыкаясь о каждый камушек дорожки, ковыляя на каждой былинке, пополз. Чисто, пахнет свежим сеном. Беленые стены, сквозь узкие окошки под крышей светит солнце. После телеги, цепи и базара – почти пятизвездочный отель и «все включено». Не Бали – но жить можно.

Он просто упал, малодушно поджав лапы. Девушка поджала губы весьма недовольно, обошла его еще раз, громко шепча себе под нос:

– Надо помыть бы. Вона – мухи уже разожрали. У тетки надо будет спросить ее славной мази на дегте. Коготь сорван, кровит. Кожа потрескалась, бедный. Ой, тебя ж надо выгуливать, верно? Или прям тут? А мне потом убирать?

Она критически осмотрела его размеры. Даня содрогнулся, быстро поднял голову, изогнул гибкую шею так, что огромный драконий нос оказался в ладони от ее лица. Девушка отшатнулась. Очень медленно и предельно выразительно дракон покачал головой.

– Ого. Да ты у меня чистюля. Это прекрасно, дракон. Давай я все закончу и выведу тебя, потерпи еще, ладно?

Ден, мысленно все проклиная, молча положил обратно голову на сено и прикрыл глаза.

Чертова баба. Его поведут на прогулку, как домашнего пса. Задирать лапу до ветру. Содрогнулся. А толку? Чтобы гадить – надо жрать. А ему просто нечем... ее порадовать.

Девушка промолчала, погладила чешую на спине. Ей снова стало его очень жалко. Не мышь, чай. Вона, вполне разумный зверь. Если отмыть – так наверное даже красивый. Только... в хозяйстве проку от него...

Развернулась и быстро ушла, все еще ругая себя за глупую жалость. Дракон успел уловить ее мысли. Милая девочка. Потянулся и закрыл хвостом дверь. Сарай будем считать теперь личным пространством.

Уже меньше, чем через четверть часа, пространство было нарушено.

За «красную линию» медленно и осторожно выдвигался лазутчик. Пернатый. Жирненькая сытая курочка вертела хохлатой головкой, будто кого-то разыскивала.

Камикадзе куриная. Даня потянул носом воздух. Никогда еще живые курицы не пахли ему так вкусно.

Нет, когда отец «ставил его на крыло», устроив им с сестрой марш-бросок по Камчатке, в ипостаси чешуйчатых они кого только не ели.

Было противно, от перьев и шерсти в желудке горела изжога, живот крутило нещадно, но отец оставался неумолим. Говорил им: «Вы или драконы, или даже не пробуйте, детки. Идите в целители или паяйте колечки с кулончиками – денежно и безопасно». Но разве же можно было, смотря на ошеломительный полет Великого предка над пиками вулканов, просто так взять и отказаться от сущности? Да они с Элькой были готовы грызть камни, закусывая собственными хвостами, только бы стать драконами, как отец...

А курица все приближалась. Даня был слаб, неуклюж – это тело слушалось его еще не очень стабильно. Будет пытаться поймать – промахнется.

Дракон открыл пасть очень медленно, стараясь не испугать эту жертву. Курица удивилась. Покрутила тупой головой, осторожно приблизившись.

«Иди сюда, милая птичка, ближе, ближе». Пошевелил языком, в ответ крохотные глазки пернатой загорелись хищными огоньками. Наверное она даже успела чуть-чуть помечтать. О жирнейшем червяке, например. Сделала еще шаг – и дракон весь напрягся. Еще один – и ловушка захлопнулась. Курица улетела прямо в драконий желудок, уже на ходу перевариваясь. Впервые за неполные шесть местных дней дракон что-то поел. Капля в море, но все же.

Только перья с хвоста сиротливо порхали по полу сарая, выносимые сквозняком во двор.

4. В хозяйстве все сгодится

Дарьяна была голодна. Щи закончились. Пряники тоже. Утренней каши, впрочем, остался почти полный горшок, она терпеть не могла овсянку, но приготовила много. Ибо дешево. Ничего, проголодается к вечеру – как миленькая съест. Но не сейчас. Сейчас бы что-то по-настоящему вкусного...

Яйца! О да! Горячую яичницу на сале, чтобы шкворчало и пузырилось, янтарные желтки сверкали на солнце, растекаясь потом по тарелке. Рот мгновенно наполнился слюной. Вот только с утра Дарьяна отнесла полдюжины яиц тетке. Но, возможно, найдется еще парочка в курятнике?

Зашла в шумную, пахнущую нагретой соломой пристройку, привычно пересчитала куриц и замерла. Нет, считать до четырех не так уж и сложно. Особенно, если куриц в курятнике осталось всего три.

Пересчитала еще раз. Вышла задумчивая, забыв про яйца, огляделась.

Куда делась курица, она поняла сразу. Возле сарайчика с драконом ветер весело гонял пестрые перья.

– А-а-а! – заорала Дарьяна, распахивая дверь сарая. – Ах ты, морда лягушачья! Мою лучшую несушку! Да как ты посмел, скотина безрогая? Нет бы черную сожрал, она уже старая! И вообще дура! А Пеструху-то за что? Лучшая моя курица, любимица! Ну ты и вредитель!

А глаза у дракона такие чистые, такие невинные, что Дара аж поперхнулась руганью своей. Ну как можно на него злиться? Животное ж неразумное. Голодное поди, вон какой тощий. На цепь надо было сразу сажать. Да и вряд ли он смог бы в курятник забраться, видимо, Пеструха сама выбралась через щель в досках. Давно пора было досками заколотить хотя бы понизу, да все руки не доходили.

Заткнулась, вздохнула тяжело, присела на корточки рядом с драконом, погладила его по морде.

– Ну извини, парень, никак не могу тебя мясом кормить. Нету. Дорого. А куриц тебе не дам, даже не мечтай. Понимаю, что ты хищник, но потерпи. Вот Васька на охоту пойдет – я тебе потрохов заячьих принесу. А пока вот каша есть, будешь?

Дракон посмотрел на нее совершенно человеческим взглядом, с трудом приподнял голову и толкнулся носом в коленку. Видимо, будет.

– Так, давай договоримся: ты не жрешь куриц, я не пускаю тебя на колбасу, – строго заявила Дара, постучав пальцем по чешуйчатой морде. – Каша сейчас принесу. На молоке. Конечно, тебя ж не кормили. Тебе, наверное, нужно осторожно кушать. Ну, от каши моей еще никто не умирал, вот правда.

Вернулась в дом, наложила в большую миску густой овсяной каши, хотела даже масла плюхнуть, да побоялась – мало ли, заворот кишок у животного будет. А хлеб ему, интересно, можно? Собаки же едят. И кашу, и картошку, и... рыбу! Вот точно! Рыбы нужно купить. Она недорогая сейчас. Ухи наварить или нажарить, больным уха полезная.

Дракон кашу жрал как не в себя. Именно жрал. Захлебываясь, фыркая, миску вылизав змеиным своим языком, как псина бездомная. Ишь, оголодал, бедняга! Дара даже умилилась – никто еще вот так ее стряпню не жаловал. Ой, раз кашу ест – значит, не помрет с голодухи. Уж каши-то она сколько хочешь наварит!

– Хорошая собачка, – пробормотала она, опрокидывая ведро воды в корыто. – То есть не собачка, конечно... но раз уж ты не издох, надо имя тебе дать, да? Михрютка? Некрас? Лопух?

Засмеялась, когда дракон недовольно заворчал. Ишь, привереда какой, будто понимает что-то! Задумалась. В голове вертелось что-то странное, но вполне себе подходящее для дракона.

Гвидон? Хм. И где она вдруг взяла это имя? Не слишком ли громко? А что – не лошадь, не осел. Дракон натуральный.

– Будешь Гвидоном, – сообщила она своему новому питомцу. – Хорошо я придумала, да? Красиво.

Гвидонис Лефлог, сын древнего прародителя всех светлых драконов – Ладона, подающий надежды великий дракон, наследник могущественного клана Оркиных устало опустил голову. Ну, хоть что-то смог – несмотря на ошейник этот зверский. Хвала Вечным, что не Михрютка, этого бы он не пережил.

Дарьяна же на месте не сидела. Некогда ей. Сбегала до двоюродной тетки за молоком – свою корову она не держала, зачем ей? Молока да сметаны тетка для нее никогда не жалела, все же – родня. К тому же Дара ей полотенца берегами расшивала и с детками ее, когда нужно было, нянчилась. Словом, одной заботой меньше. Корову ведь не просто доить нужно, ей сено надо, воду и поило, зимний постой и пасти все лето. Сарай, опять же, в нем навоз, его чистить, скрести, носить опилки. А мухи и запах? Да и молока столько Дарьяне не нужно.

Зато у нее раньше была лошадь, тоже скотина полезная. И куриц она, как ни крути, не жрала, в отличие от некоторых.

Ух, морда жабы! Только б не подох, жалко же. Все, если имя дала – значит, уже свое, как родное.

Поставила еще каши в печку. Натаскала воды. Прополола огород – солнце уже клонилось к закату, не так уж жарко, как днем. Полила все, с досадой ворча и глядя на небо – ни тучки ведь. Дождика бы! Трава в силу еще не вошла, засуха – это не только полив каждый день. Это цены на сено (хорошо, хоть дракон его не ест – или плохо...), а значит, и мясо. Даже мед дорожает на засуху. Не поспеет ягода, яблоки не нальются. Грибов не найти. Нет, сейчас дождик очень был нужен.

И баня нужна. Пахло от Дарки уже далеко не фиалками. И то сказать – день дурацкий. Базар сначала, дракон этот. Чугунок со щами, эх. Огород, колодец, пропажа курицы. Да, баня – это именно то, что нужно. Благо, что она одна живет, много ей не нужно.

Своей бани у Дарьяны, конечно, не было, только лоханка с кувшином за печкой. Но была у тетки. А тетка Маланья слыла дамой крайне чистоплотной. Четверых своих мальчишек она загоняла мыться аж два раза в неделю. А если прибегут домой, вымазанные тиной или липким ягодным соком – то и вне расписания.

Да, Дарьяна была грамотной. И слово мудреное «расписание» ей очень по душе было. Иногда (обычно зимой, конечно, летом некогда было) она даже записывала себе на специальной дощечке список дел – грифелем. Потом стирала, конечно. Так вот, у Малаши баня по расписанию – сегодня. Вот она и сходит.

Собрала два кулька – чистую одежду и то, что надо простирнуть, вышла на крыльцо. Дракон, скотина хвостатая, лежал поперек двора. Выполз на солнце вечером погреться? А! Он у корыта притулился, пить опять хочет, видимо. Хорошо, что вода в бочке есть, она уже натаскала. Почерпнула, прищурилась... и окатила пожирателя ее куриц из ведра. Ничего, чище только будет. А то грязный, пыльный. Смотреть противно.

Зато сразу ожил, на ноги вскочил, встряхнулся, как собака, пасть приоткрыл. Словно... смеялся? Припал на передние лапы, ведро боднул башкой своей змеиной. Что, еще? Ну, коли так охота... Вылила на него еще одно ведро.

Гвидон выглядел довольным. Как она это поняла – и сама не знала. Будто почувствовала.

– Хватит с тебя, – сердито поджала губы, пытаясь не засмеяться. Не дело еще с драконом играть, чай не щенок, а скотина хозяйская. Возможно, даже ценная. – Воды не напасешься на тебя, чучело! И вообще... Ты помылся, теперь я тоже хочу. В баню пойду, вот. А ты во дворе тут сиди, охраняй.

Налила воды в корыто, подхватила свои кули и пошлепала в баню – благо не далеко совсем.

Надо же, а ожил-то как он от воды! Был ведь дохлый, как моль платяная по весне, а теперь зашевелился, вон, прыгал даже. Или надо было его просто накормить да напоить? Совсем как человек, люди тоже... сдохнуть без пищи могут. О! Не забыть у Маланьи картошки прошлогодней взять. Она все равно свиньям ее скормит, а у Дары тоже теперь скотина имеется. Наварит, начистит – пушай жрет. Она добрая, может, даже квашеной капусты добавит.

Ну, Дарка, ты и дурища! Дракона – квашеной капустой кормить, ага!

Баня была, к радости великой, натоплена. И Маланья даже Дарьяне обрадовалась – племянницу она любила, в меру конечно. Не баловала, но уж бани для нее не жалела. Хотела с ней пойти, да дети не дали, мелкий самый, Ерема, уже ухитрился в свинарник залезть. Видимо, Дарьяне придется мыться быстро. Ну, так ей уже давно спать пора. Значит, стирка на сегодня отменяется.

Бросила одежду на лавку, стянула платье через голову. Переступила через белье. Банный процесс подразумевает целый ритуал. Вошла в парную, ступая босыми ногами по скрипучим доскам. Легла на теплую лавку напротив печи и котла. Хоть раз пропотеть она точно успеет. Только бы не заснуть. Потянулась. Тугое девичье тело медленно покрывалось бисеринками пота. Она была хороша и отлично это понимала. Много раз ловила на себе завистливые взгляды девиц, купаясь на реке. А в прошлом году так и вовсе кто-то спрятал ее одежду, и пришлось возвращаться домой уже затемно, шараясь по кустам. С тех пор Дара не ходила на реку с товарками.

Смахнула с крутого бедра начинавший стекать пот. Тоненькие запястья и лодыжки лишь подчеркивали ее женственность. Изящные плечи, тонкая талия, безупречные полусферы груди. У нее в доме было зеркало, и бывало, украдкой она рассматривала себя в нем, раздевшись донага.

Девки болтали, что мужьям это нравилось. Всякого много болтали, Дара слушала и дивилась. Нет, откуда детишки берутся, она понимала. И сводила скотину сама не единожды. Ну и если уж совсем честно – подглядывала в те самые окна бани однажды. И все равно не верила. Вот от этого – закатывать глазки и постанывать от удовольствия? В чем оно там вообще может быть? А что хорошего в наливающих кровью глазах мужиков, хрюкавших и странно дергавшихся, точно боровы?

Содрогнулась. Пора было мыться: время шло, ее ждали.

Быстро плеснула горячую воду из котла на камни печки. Парную заволкло плотным паром, и ей вдруг почудилось странное шевеление за бревенчатыми стенами баньки. Мыши там, что ли?

Развела воду в корыте, наступила в его неглубокую чашу, неспешно намыливаясь. Распустила тугую косу, отчего-то вдруг снова размечтавшись.

Еще в детстве она частенько видела, как супруги-селяне ходили в баню вместе. Подружки хихикали, мол, знамо, что они там все делают. После только детишки рождаются да бабы все ходят брюхатыми.

А сейчас ей вдруг пригрезилось, как супруг расплетает ей косу, чутко расправляя каждую прядку вьющихся темных волос, как моет ей голову. Ополаскивает теплой водой, очень нежно оглаживая. Ох! Откуда мысли-то взялись такие? И самое странное – ее нежным супругом в мечтах был вовсе не Гринька. Дара фыркнула. Хорошо еще, мысли не может прочесть никто лишний.

Пора было уже поспешить.

Она быстро домылась, завернув голову широким отрезом толстой неокрашенной ткани. Решила исподнее не надевать, только длинную старую нижнюю юбку да широкую рубаху с

затяжью на шее. Гостей девушка больше уже не ждала, а от тетки до дома и вовсе была пара шагов.

Распаренная, румяная, с чалмой на голове, она вывалилась из двери бани, тут же наступив на тушу дракона, лежавшего прямо у порога, обхватив собой маленькую баню, точно кольцом. Только хвост в зубы не взял.

– Ой. А ты что тут делаешь, скотина? – удивилась Дара. – Ты чего, за мной поперся? Может, еще и в окна подглядывал? Ну ты и паразит. Теть Малаш, а давно оно тут валяется?

– Не видела, – пожала плечами дородная тетка в косынке. – Да оставь ты свою одежду, постираю я. Все равно завтра на речку нужно.

Оно. Не «оно» – а дракон. Бессмертный. Сильный. Родовитый. Дура девка, раз понять не может. И он – дурак. И в самом деле – как услышал про баню, так слюни потекли натурально. Представил, что хозяйка его... голая там парится... и откуда только силы взялись? Не разочаровался – при всей миниатюрности Дашки было все у нее как надо. И изгибы, и выпуклости. Правда, про депиляцию тут и не слышали, но это отчего-то его не возмутило нисколько, хотя в прошлой жизни он на женщину с волосатыми подмышками и прочими частями тела и не посмотрел бы. Идиот.

Дашка, Дашенька. Да. Пялился на нее в окно, радуясь зоркому драконьему зрению, и порывисто вздыхал, когда она наклонялась над корытом, смывая мыло с волос. Какие у нее... стати! Кажется, настолько гармонично сложенной женщины он еще не видел. Даже на фотографиях в интернете, даже в фильмах для взрослых.

А еще он теперь знал, что белья у нее под длинной ее рубахой нет.

О чем она думает? Вот это сюрприз. Нет, отчетливо и достоверно ее мысли он прочесть не мог. То ли ошейник этот проклятый, то ли мир этот кривой. Но вот эмоции... Яркие всполохи женских желаний, еще таких робких, как будто размытых, никакой половозрелый дракон ни с чем спутать не смог бы. Пробовал направить их ход чуть точнее, сам представил, как рядом стоит, расправляя ей волосы, как ее моет. Чуть не сдох. Но она отозвалась. Только вот – что с этим делать? Он – ящер, с телом тощего бегемота, неуклюжими лапками, длинной шеей и словно полено – хвостом. Никакой фантазии не хватит для развития сюжета. Только подсматривать.

Все! Он догадался, что произошло на ритуале. Он помер, и это его личный ад. Персональный. За все прегрешения прошлые. Так и будет он всю вечность в драконьем облике за Дашкой подглядывать, может даже – за ее брачной ночью. Вот это – самое ужасное, что можно в жизни вообще представить.

Сам виноват. Сам такую хозяйку выбрал, сам ей глазки строил. Когда выбирал, о телесном не думал совершенно, мечтал только о воде. А потом вот... Неудивительно. Во-первых, Дашка красивая. Личико круглое, румяное, носик пуговкой, глаза огромные и злющие. Губы... яркие, пухлые, а уж когда она зубками их прикусывает, Гвидона даже в драконьем обличьи дрожь пробирает. А ресницы какие, а брови! Слов нет, до чего хороша. Никакая косметика ей не нужна, украшения – лишние. Из бани как вышла – само воплощение лета: горячая, раскрасневшаяся, сияющая... в одной только этой юбке до пят да рубахе – таких ветхих, что ткань почти что просвечивала, обрисовывая точеное девичье тело, такое желанное, такое – увы, недоступное.

Гвидон хоть и юн, но не только дракон, он – мужчина. Полон горячих страстей и вполне объяснимых желаний. Р-р-р! Голову опустил, чтобы не разглядывать ее слишком уж бесстыже.

– Маленький, ты чего тут, обиделся? – опустилась ему на загривок девичья рука.

Маленький? Он – и маленький? Удивленно воззрился на хвост: может, что пропустил и уменьшился невзначай, для себя незаметно? Ну да, не боевая ипостась, и крылья такие... убогие обрубки, как у цыпленка-бройлера из супермаркета. Но это все ошейник. Все равно он

не маленький, ни в одной из частей рептилоидного организма. Скажешь тоже, хозяйка. Если у нас кто и маленький, то точно не он.

– Ладно, ладно, – засмеялась Дарьяна, правильно его поняв. – Большой мальчик! Вон какой... хм... ну, красивым тебя назвать сложно. Зато умный, да? Ну, не всем же быть красивыми!

Вот... курица все же слепая!

– Интересно, а верхом ты бы меня выдержал? – задумчиво спросила девушка, почесывая его шею. – Понятно, сейчас ты слабый и больной... Но позже я обязательно попробую.

Она сверху, он снизу, конечно! Она обнимает стройными коленями его сильную спину, грудью касаясь лопаток. Горячим животом ложится ему на хребет, руками нежными обвивает и гладит. О да! Идиот. И поделом тебе, фантазеру. Вот за это и наказан – за мысли пошлые и прошлое не самое скромное поведение. Пошли, что ли, хозяйка? Что у нас там на ужин в меню? Надеюсь, не сено душистое? Хотелось бы что посущественней.

5. Ночная охота

Утро было недоброе. Дарьяна обнаружила пропажу еще одной курицы – на этот раз черной. Да, она сама сказала, что ее не жалко, но что ж теперь, жрать ее, что ли? Ей, может, старости тоже не жалко нисколечки, пусть его жрет. К тому же он бесплатный, а курицы, между прочим, денег стоят! Ну все, нет у нее больше дракона!

Подхватила полено, распахнула дверь сарая, сразу замечая черные перья.

– Ты не Гвидон, – заорала она. – Ты Гнида! Тварь ты поганая, – и замахнулась поленом.

Ударить не смогла, только пригрозила – шутка ли, живое существо стукнуть! Но зла была невероятно. Схватила дракона за ошейник и дернула на себя. Гвидон аж глаза вытаращил от такой наглости. Вот же пигалица, да как смеет? Он – дракон вообще-то, с вот такими зубами! Причем дракон сытый (ну, относительно) и уже почти здоровый. Щас как откусит этой дуре руку по локоть, будет знать, как на него замахиваться! Зарычал, оскалился... и получил поленом промеж глаз, да еще и ошейник нехило так его придушил. Аж глаза заслезились. А вот это уже не смешно совсем было.

Оглушенный, с помутневшими глазами, жадно хватавший воздух пастью, он выполз вслед за хозяйкой на воздух, проклиная и себя, и ошейник, и курицу эту тупую, жесткую и невкусную.

Да куда она его тащит? Нет, не надо больше поленом, он все понял с первого раза!

А Дарьяна была зла неимоверно. Она эту Гниду выкупила, накормила, напоила, спать уложила – а он имущество ее портит и рычит еще, скалится на нее! А ну как сожрет ночью? Вот оно ей надо? Убить его она уже не сможет, все же – привыкла почти. А вот выгнать к чертям полосатым – это завсегда пожалуйста. Тянула его за ошейник, почти бежала. Ладно хоть больше не огрызался, да и вообще – шел покорно, лапами перебирал споро. Вывела за околицу, толкнула в сторону леса.

– А ну пошел отсюда!

Дракон ошарашенно на нее посмотрел. В смысле, «пошел»? Куда – «пошел»?

– Вали давай, – руки в боки уперла, ножкой гневно топнула. – Вон, в лес вали! И нет, ошейник не сниму. Ты ж меня вовсе сожрешь в боевой-то ипостаси! Давай, чего встал?

И еще пнула его по хвосту для надежности.

Ну, он и пошел. Поплелся. А что было делать? По опыту знал – бабе в истерике надо бы лучше остыть. Он немного погуляет и вернется. В лесу жить – ну не совсем же он идиот. Тут медведи, поди, водятся. И волки. Нет, зверей Гвидон не боялся, но ошейник... Попадется опять ловцам – и хана ему. Опять крючья, рынок... Ну нафиг. Или волки стаей. Сколько он сможет убить? Пять, десять? Кто их знает, какие тут волки. Эх, вообще – виноват, конечно. Но она сама вчера сказала, что черную курицу жрать можно, а он ведь голодный. И восстановление опять же, энергию откуда брать? Ужин Дашка ему не предложила, только воды налила.

Ну и как теперь извиняться? Грибов набрать?

А какие грубы тут съедобные? В ипостаси дракона ни один яд его не брал. Белок и белок, хоть мухоморы, хоть боровики, хоть лисички. На зубок и не проверить.

Лес... по траве еще стелился густой ночной туман. Ледяная роса холодила, зато грязный хвост, вытираясь о мокрые ветки и траву, очень быстро стал белым и относительно чистым.

Выйдя на большую лесную поляну, дракон потянулся и словно нырнул в глубину влажной травы. Нет, это было не море, конечно, но сил у морского дракона прибавилось сразу. Влажный, чистый, он доплыл по густой траве до стены векового леса. Очень красиво. Деревья были похожи на сосны, только гораздо больше. Секвойи?

Ах да, он же вообще в другом мире. Будет проще все обзывать привычными названиями. Курица тоже была не очень-то курицей: пятипалые лапы, и вкус этот... фу. Но похоже.

Тихо подползая к лесу, дракон чутким ухом услышал странный звук. Медленно повернул морду, стараясь не спугнуть свою очень возможную жертву. У самых корней «сосны» сидел... ну... пусть будет – «заяц». Крупный серый зверек с относительно длинными ушами, длинным пушистым хвостом и большой головой. Заяц стрекотал совершенно по-птичьи. И пах: надо заметить – весьма и весьма аппетитно. Не то, что унылые Дашкины курицы.

Стараясь не дышать, не издавая даже намеков на звуки, дракон медленно полз, как удав, как самая натуральная хищная рептилия.

Мгновенный бросок, молниеносное движение челюстями – и желудок благодарно заурчал в ответ. Вкуса Гвидон ощутить не успел никакого. За пару часов рептилоид обнаружил прекрасное: в лесу зайцев была просто тьма. Зверьки были тупы, неповоротливы, мясisty и вкусны. Только вот шерсть вызывала изжогу.

К середине дня он уже мог вполне трезво подумать о том, чтобы принести Даре пару зверьков. И даже – поймать их, не проглотив за секунду.

Отобрал самых крупных и пахнувших аппетитно, поборол в себе навязчивое желание съесть «про запас», утешаясь мыслью о том, что после такой вот добычи хозяйка может решить отпускать его в лес постоянно, потопал домой. «Зайцев» старался держать в пасти нежно, чтоб не принести ей набитую фаршем с костями пушистую шкуру. Сытый, относительно чистый и с добычей, он возвращался обратно совершенно другим человеком... Ну, хорошо – еще просто драконом. Зато – значительно улучшенной версией.

Дашка сидела на завалинке возле своей убогой избушки, надутая и красная. Поди, жалела уже, что такого ценного зверя прогнала. А вот тебе, хозяйшюшка, подарочек. Или, скорее, компенсация за твоих куриц. Все по-честному: око за око, тушку за тушку.

Молча подошел, добычу свою выплюнул к ее ногам. В лицо заглянул – не плакала ли? Нет, такая не заплачет, скорее, других до слез доведет. Прямо как истинная драконица, даже – змеюка. Ядовитая, с острым языком.

– Шо, задница чешуйчатая, извиняться надумал? – строго спросила девица. – И шта мне твои дохлые зайцы? Яиц нанесут, не?

Гвидон мотнул головой, носом подталкивая зайцев ближе.

– Жри их сам! – отрезала вредная Дашка, да еще и отвернулась от него.

Вот мы, значит, как? Гордая? Ну так он тоже не собачка, а дракон. Причем голодный и не совсем еще в форме. Сама виновата, что ты дура, и курицы у тебя были дуры. А будешь злиться – и остальных сожру.

Рыкнул недовольно, зубами зайцев этих злосчастных подхватил и прямо ей на колени кинул. Развернулся величаво, в сарай свой зашел и хвостом дверь прикрыл. И лег, опустив голову на лапы.

Спустя пару часов из домика одуряюще запахло мясом. Гвидону хотелось взвыть. Конечно, он был относительно сыт – все же славно в лесу поохотился, но сырая зайчатина со шкурой и костями никак не могла сравниться вот с тем божественным блюдом из настоящей печи. Если уж простая каша, приготовленная Дашкиными маленькими ручками, его с ума свела, то мясо... с чем оно там... с овощами, наверное... с бульоном наваристым... с травками всякими... она так мстит ему, да? Издевается? У-у-у, змеюка!

Но Дарьяна и не думала издеваться, не умела она долго злиться. Наоборот, самый большой свой горшок взяла и накидала туда все, что нашла в доме. И картошку, и морковь, и укроп, и лук, и сушеных грибов. Это ей одной много не нужно, а зверюга у нее здоровенная, поди, ее прокорми. И то сказать – заслужил. Сначала она только про мясо подумала, а теперь и шкурку аккуратно сняла, понимая, что зайцы – добыча знатная. Меха этот был дорогим, охотиться крестьяне толком не умели. Да и дорогая больно штука – оружие. Если дракон будет их пару раз в неделю приносить – то сам себя прокормит, да еще и ее заодно. А шкурки она Гриньке продаст.

Размечталась. А хорошо было бы замужем за скорняком. Дракон, значит, охотится, Гринька будет меха обрабатывать. Глядишь, к зиме ей и шубку справит, и шапку, и сапожки меховые. И мясо всегда будет.

Нет, все же брак – не самое убыточное дело, особенно вот с таким помощником. Сама себе шубу заячью Дарьяна ни за что бы не купила, ей и овчинного полушубка, еще с матери оставшегося, хватало. А коли родственница она теперь лучшего скорняка округи (и это она не про Гриньку, а про отца его, будущего тестя) – так святое дело невестке самую лучшую шубу пошить – до самых пят! И чтобы все видели, чья она жена!

Правда, Дарьянка, извлекая из печи тяжеленный чугунок, тут же припомнила, что Гринька едок не хуже дракона. И будет она с той шубой только и делать, что кормить своих работников, ни на что другое просто времени не останется.

Подумала и решила: Гринька никуда не сбежит, до осени времени много, а Гвидон – он тут, рядом. Надо с ним мириться, потому что скотинка преползнейшая, хоть и дюже здоровая. И, кажется, вовсе и не дикая, почти что и разумная. Силой и упрямством с ним меряться – глупее не придумаешь. Лаской надо, терпением... Ну и едой, конечно. Едой любого мужика можно приручить, а дракон у нее как раз мужеского пола. Поэтому, отложив себе густой похлебки в миску, Дарьяна поставила чугунок стыть, а сама побежала к тетке – просить у нее старое деревянное блюдо, которое только по большим праздникам и доставалось из сундука. Слишком уж оно было неудобным, на стол просто так не поставишь. Ну в самом деле – не в корыто же дракону похлебку накладывать? А из ведра ему неудобно будет.

Когда Гвидону под нос Дашка подсунула здоровенную деревянную миску с супом, в котором щедро плавали большие куски мяса, дракон опешил даже. Это вот – ему? Да еще из настоящей тарелки? Да еще краюху хлеба Дашка предлагает? Определенно, жить можно! Принюхался, заурчал блаженно. Ел медленно, наслаждаясь каждым глотком, каждым кусочком. Да, это вам не дичь с шерстью! Это... просто праздник живота!

– Слушай сюды, вредитель, – строго говорила Дарьяна, видя, как новый ее питомец обедает – изящно и аккуратно, словно кот домашний. – Будешь зайцев еще приносить – я тебя хорошо кормить буду. Потому как добытчик – это совсем другое. Может, и сживемся мы с тобой, да, Гвидоша? Ты только куриц больше не жри. Ну хотя бы пока я денег не заработала, шоб яйца покупать. Кстати, а ты щи постные будешь? Завтра наварю, а то у меня капуста с прошлого года осталась в погребе, а уж скоро новая поспеет. Хотя... на зайчатине сделаю. А вот если еще принесешь – там уж и закоптить можно мясо будет. Вкусно – сначала засолим, а потом тушку над дымом повесим...

Гвидон громко сглотнул. Искусительница! Копченой зайчатины он еще не пробовал.

– Ты знаешь, я, пожалуй, Ваську попрошу закоптить, – неожиданно усмехнулась хитрая девица, смело почесав Гвидону шею. – А то будет как с курами. Тебе доверять нельзя, мой вечно голодный друг.

Гвидон мог только вздохнуть. Он не виноват – это все ипостась животная. Скажи ему кто раньше, что он куриц таскать будет – не поверил бы. Но драконом быть – по-драконьи выть, вот так-то.

6. Дракон сельскохозяйственный

Дара осматривала свое новое приобретение критически. Обмен маленькой тележки-коляски на вот это, еще и с доплатой... Что ей двигало? Помутнение всех мозгов, не иначе.

Огромная шестиколесная телега под четверку ломовых лошадей возвышалась перед ней как гора какая-то. Она раньше таких и не видела, пока не заметила на прошлом рынке это помпезное сооружение. Теперь предстояло решить два очень сложных вопроса: можно ли в телегу запрягать дракона и как Гвидона на это все уговаривать.

Он весьма неодобрительно косился на эту ее странную покупку, словно понимал что-то.

Гриня так вообще вчера просто схватился за голову. Бегал, стонал: «пошто деньги потратила, эта зверюга твоя все едино так только до осени!».

Подумаешь, тебя спросить вот забыли!

Пока печалилась, не успела заметить – на колени опустилась тяжелая и чешуйчатая драконья башка. Он стал почти что красивым. Или она уже просто к нему привыкала? Большие пластинки светлой чешуи начинали отливать льдинками, кожа светлела. А глаза очень внимательно смотрели прямо ей в лицо, будто сочувствовали.

– Эх. Если бы ты хоть летать умел... Ну... или седло на себя дал мне надеть. А то кормлю тебя только, а толку-то?

Справедливости ради надо сказать – все последние дни скорее дракон ее прикармливал. Зайцы были жирными и очень вкусными, а шкурки их весьма ценились. Эти хитрые зверьки чуяли людей за версту и не попадались ни в силки, ни в капканы. Как ловил их Гвидон? Никому то не ведомо. Но с тех пор, как она его выгнала в лес впервые, он всегда возвращался с прогулок с добычей.

Дара выгодно продавала свежие шкурки Грине, говоря, что повадились будто к ней зайцы. Видно, ходят смотреть на дракона. Рассказывать парню, что она каждый вечер отпускает белого зверя в их лес, она не стала. Мало ли... ловцы набегут, да и вовсе... Не стала и точка.

Дракон терпеливо смотрел на нее, едва дыша и не шевелясь. Потом тяжело вздохнул, развернувшись у ее ног, и подтолкнул осторожно девушку к своей спине. Она удивилась.

– Шта хочешь, Гвидон? Шоб я села? А ты меня не скинешь вдруг часом? Нет уж, прости, но я тебя покуда боюсь, морда хитрая.

Ушла в дом, вернулась с веревкой. Привязала поводья к ошейнику.

– Ну шо, так поедем? Только уговор: ты идешь, куда я тяну, а я тебя не обижаю.

Дара выразительно притопнула странными сапожками, из пяток которых торчали внушительные шпоры.

Внутренне Гвидон рассмеялся. Глупая девочка. Вся спина его была покрыта панцирем, непроницаемым даже для выстрела пульей. И пусть его форма теперь от боевой далека, но до брюха малышка никак не дотянется.

Молча ей поклонился. В глазах у красавицы блеснул самодовольный восторг. Что же, пусть потешится, правда? Маленькая повелительница большого дракона. Всадница верхом на свирепом ящере...

Опустил свое убогое крылышко лесенкой. Удивилась, но рискнула. Влезла, поерзала задом (отчего у дракона непроизвольно и резко вдруг дернулся хвост).

– Поехали, как там тебя. Но, лошадка?

Дракон громко фыркнул. Придумала тоже, «лошадка».

– Хорошо, милый, добрый дракончик, поехали.

Он достаточно уже окреп, чтобы быть ездовым. Да, в боевой ипостаси Гвидон мог и летать. Но за неимением... будем ножками топтать, и резвенько. Очень ему хотелось вызвать восторг у этой девочки. А еще дракон тихо млеял от соприкосновения кожи с кожей. Нет, пан-

талоны она натянула, и толстые. Правильно, об его чешую не то что зад, всю разом Дарьяну очень даже можно было стереть до макушки, как будто на терке морковку. Зато щиколотки касались его боков и вообще – девичье тело даже сквозь тряпки эти его обжигало.

Седло бы ей, бедной, конечно. И сапоги до колен.

Он старался качать ее как можно меньше. Но, проехавшись по деревне и обратно (величаво и максимально надменно), они оба пришли к неутешительным выводам: зад был дороже, седло – это роскошь, надо сшить нечто типа попоны, веревка – это великая глупость. Достаточно было похлопать его по спине.

По дороге обратно она наконец приноровилась, свесив ноги в одну только сторону, и в конце – даже улеглась у него на спине. Только бы не заснула, сердешная, свалится ведь, а в ипостаси ущербной он не сможет ее удержать силой мысли.

Не уснула, сползла, едва доковыляла до крыльца, там упала.

– Ну, дорогуша, лошадь из тебя так себе. Сидушку сошью. Вона тряпок полно, отстегаю, и будет. Что-то тошнит меня. Иди на место, иди, не смотри так.

Хватаясь за перила крылечка, Дарьяна уползла в дом.

Упс, опыт вышел пока очень так себе. А все почему? Всадница не подготовленная, это точно.

Вздохнул и пополз в свою сараюшку, с огромным удовольствием вспоминая рожи всех тех, кто им встретился по дороге. Таки даже Дашкин стертый зад стоил того.

Мужики, собиравшиеся раз за разом решать очень трудный вопрос со сроками сенокоса, наконец преуспели – решили косить. Трава вошла в силу, колосья цвели, погода стояла достойная.

Сенокос в жизни людей, близких к земле, – время важное необычайно. Все работали в поле: мужики косили, вместе с ними и крупные рослые бабы, а те, кто поменьше – ворошили чуть подсохшее сено граблями, скирдовали и сворачивали в высоченные стога. На телегах возили высушенное сено. Дети собирали маленькими грабелками каждый пучок. Зима в этих краях не была очень длинной, но до зеленой травы по весне еще нужно было дожить.

Еще до восхода жаркого солнца косари вставали, завтракали наспех и к полудню уступали место в поле тем, кто подходил ворошить. Траву собирали в валки, которые было удобно потом перекладывать, переворачивая, как блины на горячей сковороде – под горячие лучи летнего солнца.

Дашка в этом процессе участвовала ворошилщицей, ловко орудуя легкими деревянными грабелками, весело подпевая девицам на поле. Она была меньше их всех: где на голову, а где и больше. Как есть – комариха.

Но когда пришел час вывозить с поля сено – тут Дарьяна блеснула, подогнав к краю поля не лошадь с убогой тележкой – дракона! Впряжен он был в огромную телегу, в которую можно было легко загрузить стога три, а то и все четыре!

Мало того, что дракон был ухожен: он поправился, даже подрос, блестел чешуей, очень яркой и почти уже белой, так он слушался эту малявку!

Соскочив с сидушки, пристегнутой прямо на крепкую спину дракона (с места возникшего управлять ей просто не хватило роста), Дашка подошла к морде дракона, отчего-то смотревшего на нее очень хитро, погладила его по голове, что-то шепнув. И с совершенно победным видом развернулась к соседям, уже собравшимся внушительной толпой у самого края поля.

– Вот и шта мы раззявились? Цирк не приехал, проваливайте. Считаю до трех и беру дальше плату за представление.

Считать не пришлось, притихшие деревенские молча разошлись. К Даре подошел только Янек – сын старосты. Он был на поле за главного.

– Змей твой, – парень покосился на дракона, получив в ответ очень строгий взгляд голубых его глаз, – он никого не сожрет под загрузкой?

Даша в ответ ухмыльнулась, получая удовольствие от выражения растерянности и даже испуга на холеной роже сыночка старосты.

– Коли я не скажу ему жрать – то и не тронет. Как обидит кто – так и скажу.

Гвидон приосанился. Тронет, пусть не сомневаются. Его явно разумно опасались, несмотря на в высшей степени унижительную роль. Знакомьтесь: гужеваая скотинка, дракон из бессмертных. Кольцо еще в нос и уздечку, конечно-конечно.

Насчет уздечки он погорячился. С огромным трудом терпел всех этих... ходивших вокруг и его замерявших. Споривших чуть не до драки. Дракон не очень был силен в конном спорте, но словечки: «Хомут, оглобли, шлея (что попадала обычно под хвост), дуга и вожжи с подпругами» были ему знакомы по школьной программе. Как там: «Взялся за гуж...» и чего-то еще. А еще эти недоумки решили, что он явно потянет и не одну телегу разом.

Спустя час с небольшим на него водрузили некое подобие собачьей шлейки. Никогда не видал он подобного. Никаких вам оглобель и дуг. Еще одну внушительного размера телегу приволокли на лошадке, неодобрительно фыркавшей в его адрес. Тупое животное, чтоб понимала в драконах морских.

Дальше было форменное издевательство: оказалось, высокое искусство валять дурака рядом с телегой, что было продемонстрировано ему еще при поимке Гвидона мучителями, распространено в этих краях повсеместно. Народное, так сказать, развлечение. Одни тянут, другие впрягают, дружно ходя по длинному драконьему хвосту. С шутками и прибаутками все отпускают телегу, дракон делает шаг и... она резво откатывается на горе-конюхов. И так десять раз.

Хозяйка сначала ругалась, потом и вовсе даже ушла, очевидно – к своему этому... женишку. А его, значит, бросила. Ну конечно. Драконы – народ терпеливый. Очень, очень, очень...

Болеет затоптанный хвост, шлея не давала вдохнуть полной грудью, хозяйка исчезла. А в довершение бед эта наглая рожа Янек попытался сначала надеть ему на морду уздечку, потом совал в зубы железный прут. А потом и вовсе вдруг сунулся к носу Гвидона с каким-то там прутиком... замахнулся и шлепнул по чувствительной ноздре своим этим... орудием пыток. Всё – с этой минуты долготерпеливые драконы в Гвидоне закончились. Вселенская мудрость иссякла, засохла и выветрилась. Остались в нем только лишь Оркины. Беспощадные монстры морские, властелины океанов, суровые, безжалостные и свирепые. Мамочка, я иду.

Жуткий рев огласил всю округу, деревья пригнулись. Это было только начало. Они все еще просто косаток не видели. Гвидон набирал воздуха в легкие. Мужчины давно попрятались, но рассвирепевшего морского дракона уже было не остановить.

– Хы-ы-ы! – первым же выдохом он спалил всю стерню до травинки, до корочки, как напалмом прошел.

Очень понравилось. Одним сильным движением сбросил всю сбрую (только проклятый ошейник остался), развернулся и снова вдохнул.

– ХЫ-Ы-Ы! – половина поля была готова к посеву.

Экологично, удобно и чисто, полоть даже не надо. Или сено не надо пропалывать? Нужно будет погуглить... тьфу, где и как? И от мысли о своем мире, возможно, навеки потерянном, о всех его бедах, драконье пламя внутри запылало с новой силой. Еще немного, и Гвидон спалил бы вообще всю округу.

– Не-е-ет! – через черное, выжженное дотла поле к нему буквально летела хозяйка. Растрепанная, чумазая, спотыкаясь и падая, она еще что-то кричала, наверное, будет ругать. Ну и пусть. Главное – бросила этого своего остолопа и несется теперь к нему, к древнему. Хорошо хоть без полена.

Что там она кричит? О небеса, остановите мгновенье! Она прекрасна!

Дашка орала как резаная во всю силу легких, совсем немного уступая своему дракону, буквально в десяток децибел. Она неслась на мучителей своего дракона с кулаками и вопила:

– Не смей его трогать! Убью всех, только попробуйте, твари! Я вас! Я вам! Да я вами!

Заботливая хозяйка Дашенька.

– Дара, да забирай ты свое чудовище, он вообще дикий, как волк!

Она наконец добежала до дракона, быстро ощупала его морду, мельком глянула на упряжь, развернулась воинственно, руки в боки, и опять заорала:

– Я вам доверила самое дорогое! А вы что? Вы его чуть не замучили! Издевались? Иди ко мне, мой хороший!

И «хороший» стал снова драконом. Мудрым и терпеливым, опция «Оркины» выключена. Положил буйную голову под ноги Дары, всем своим видом демонстрируя послушание и смирение. Положил наземь крыло, приглашая хозяйку на спину. Та важно залезла на своего чешуйчатого зверя, даже поводья не взяв, лишь хлопнула его по спине:

– Домой, милый. Нам больше тут делать и нечего.

Собственно, теперь тут всем до следующего года больше делать было нечего. Те, кто уже успел покинуть укрытия, немного поджаренные, но в целом не пострадавшие, не смогли удержаться от одобрительных кивков и даже аплодисментов. Точно – нечего, пусть подальше убираются оба этих монстра. И полоумная Дарьянка, и ее драконище.

Гвидон важно развернулся, напоследок лукаво пустив дым из ноздрей, чем заставил молниеносно попадать всю публику, закрывшую головы шляпами, и потопал неспешно до дому, мысленно напевая бравурный мотив «Варшавянки».

7. Купаем дракона

Дара умаялась невозможно. Вся потная, грязная, местами даже вонючая, она раздраженно вытаскивала сено из волос и шепотом ругалась – фигурно и непотребно. Гвидон некоторых слов ранее не слышал вовсе, хотя думал, что его словарный запас после общения с пленившими его разбойниками пополнился очень даже внушительно.

Дашка его удивляла снова и снова. Как она защищала «движимое свое имущество»! Как орала на этого дегенерата толстомордого – Гвидон до сих пор изумлялся. Его в жизни так никто не защищал, все только и вещали ему неустанно: «Ты сильный, ты одаренный, Гвидонис, вперед».

Конечно, дракон был не прав, если честно. Он даже готов был признать этот факт. Люди работали, старались, а он пришел, пламенем плюнул, срыгнул пучок плазмы – и поле теперь под распашку. Но тыкать себе в морду прутьями абы кому он позволить попросту не мог. Может, конечно, стоило просто слегка откусить руку сыну старосты. Или снять скальп, или подкоптить его тушку, немножечко, для наглядности.

Дашка, к примеру, тоже так считала. И судя по ее кровожадным мыслям, эти планы вынашивала уже очень давно.

Но что сделано, то сделано, впредь лезть к дракону не будут.

– А пойдём-ка, Гвидоша, купаться? – неожиданно предложила его маленькая хозяйка.

И откуда в ней столько прыти? Не женщина, а реактивный самолетик! Гвидон вздохнул, про себя самодовольно подумав, что Дашка так к нему уже привыкла, что без него даже сходить в баню не может. Потянулся, разминая ноющие лапы.

Да, давно его так не укатывали. Разве что отец, когда ставил его на крыло. Вот тогда было тяжело: две недели почти марш-бросок по вулканам и сопкам, когда на ногах, когда крыльями. Эх, прекрасное детство...

У Дашки такого и не было. Деревня, коровы и козы.

Как они тут без тракторов и комбайнов выживают вообще? Одно слово – средневековье. Мрак, дикость и туалеты типа «сортир». И душа летнего не придумали даже, хотя конструкция проще некуда. Ну что ж, в баню так в баню. С чего это Гвидон от зрелища моющейся Дашки отказываться будет?

– Ну и куда мы поперлися? – шлепнула его по спине маленькая ручка. Никакого уважения к древнему существу, честное слово! – К реке, говорю, поехали, купаться!

И Дарьяна ловко запрыгнула зверю на загривок. Научилась уже балансировать и ездить почти без потерь и натертостей, даже без седла и попоны.

М-м-м, к реке? Заманчиво!

Река протекала поблизости, но Гвидону пока на ней бывать не приходилось, а зря. Воду он страстно любил. Только рекой «это» назвать было сложно. Речка. Речушка. Большой ручей. Далеко не Амазонка и даже не Волга. Но сойдет то, что есть.

Дарьяна воровато огляделась. Никого.

– Охраняй, – приказала она Гвидону. – Никого не подпускай.

Тот улегся на травке, всем своим видом изображая верного пса. Дара засмеялась. Все же дракон – это потрясающе. Куда лучше лошади. И собаки. И осла. Стянула через голову платье, развесила на кусте. Вынырнула из исподнего и непременных подштанников. Подвязала длинные косы в крендельки, потянулась всем телом и вступила в воду, теплую, как парное молоко.

До чего ж хорошо! А говорят, в горах еще и источники такие есть, где вода горячая, как в бочке, под которой разводили огонь. Вот бы попасть туда! Окунулась по самые плечи, чувствуя, что косы расплетаются, мокнут. Засмеялась. Дарьяна всегда любила воду, но это детям малым

дозволительно голым купаться, а взрослым серьезным девушкам – негоже. Мыться нужно в бане, а вот так, в речке – вообще верх неприличия. Разве что ночью, когда никто не увидит... да еще рядом с собственным драконом. Снова вдруг задумалась – и на кой ляд ей муж? Толку от него... ну да, мужская рука по хозяйству не лишняя. Но вот так купаться он ей никогда не позволит. Это ее последнее лето свободы. Потом всё, детишки пойдут. Какое уж там купание по ночам!

Оглянулась на берег, по которому уже стелился туман. Гвидон лежал там, как большой камень, белесый и неподвижный, словно и сам сотканный из капель воды. Ох, да он ведь любит воду! Как он радовался, когда она его из ведра окатывала! Не удержалась, позвала:

– Эй, Гвидоша! Иди ко мне купаться!

Вздрыгнул, подскочил, сел на задние лапы, глядя на нее с недоумением.

– Ну иди ко мне, мальчик, тут хорошо, вода теплая, и глубоко – ты поместишься! – махнула руками Дарьяна. – Быстро!

Он осторожно, почти что крадучись, приблизился к воде и вдруг ловким движением прыгнул. Сразу – на глубину. Без брызг, без всплесков. Просто растворился в воде.

Рядом с обнаженной Дарьяной вдруг проскользнуло большое гладкое тело, задевая ее. И перед самым носом вынырнула бело-серебристая голова с огромными голубыми глазами. Она взвизгнула и засмеялась, обхватывая дракона за шею.

— Ух ты, какой! Покатаешь?

Вцепилась в него, прильнула всем телом. В воде Гвидон был совсем другим – не шершавым, холодным и чешуйчатым. Нет, здесь у него была гладкая теплая кожа, к которой было так приятно прижиматься. Он вдруг рванул с места – девушка едва удержалась, обхватывая его руками и ногами. Засмеялась, нарушая волшебную тишину летней ночи, встряхнула мокрыми косами. Вот так и рождаются сказки про русалок! Гвидон плыл быстро, иногда неглубоко ныряя – так, чтобы окунуть свою всадницу, но не позволить ей захлебнуться.

И думал только об одном: если бы она прямо сейчас сняла бы с него этот мерзкий ошейник, он бы не стерпел, не смог бы. Перекинулся бы в человека и... горячая, голая, такая желанная! Вся в его власти! Только бы ей в голову не пришло сейчас расстегнуть ошейник! Нет, все-таки она – его ад. Мозги скоро лопнут и прочие части тела.

– Все, малыш, на берег, – скомандовала Дарьяна, и дракон послушно повернул к берегу. – Эх, прощевай, жизнь девичья. Нагулялась...

Выползли на берег, Гвидон обнаженной всаднице своей на песок ступить не позволил, донес до травы. А она, как есть голая, вместо того, чтобы рубаху накинуть, принялась волосы расплетать на прядки. В темноте смуглое девичье тело казалось почти белым, а волосы были у нее длиной до самых ягодичек, даже чуть ниже. Хороша! И пускай он в аду, но этот ад ни на какой рай Гвидон не променяет. Откровенно ей любовался, радуясь, что он не в мужском обличье. Вряд ли у него был бы шанс такой красотой наслаждаться, если бы она хоть на минутку представила...

А дурища эта наконец оделась и волосы свои великолепные по плечам разложила и все перебирает, а сама уже ежится от холода. И то – ночь, а она мокрая. Попробуй такую гриву просуши!

Подошел к ней и тихонько теплым дыханием в лицо дунул. Дракон он или где? И пламенем умеет, и просто... дуть.

– Ты ж мой хороший, – обрадовалась девица, а потом вдруг глазищи свои вишневые вытаращила и на него уставилась. – Ой! Какой ты, оказывается!

И какой он? Гвидон выгнул гибкую шею, оглядывая себя, и понимающе кивнул. Какой-какой – морской он дракон, водный. В воде он еще красивее, чем на суше. В воде он гладкий, как дельфин, белоснежный, почти искристый. А при свете луны и вовсе почти сияет. Алмазного рода потомок, они все красивые.

– О-о-о! – горячие девичьи пальчики оглаживают его шею, и он запоздало вспоминает, что так и чувствительность у него выше. И руки ее просто обжигают. Он дрожит. – Ты потрясающий, Гвидон, самый прекрасный в мире драконище! Никому тебя не отдам!

Прижалась к нему, прильнула всем телом, щекой на шею легла.

– Вот почему все так сложно? – тоскливо пробормотала. – Почему я должна жить вот так? Я, может, и замуж-то вовсе не хочу, шта я там забыла? И детей тоже не хочу пока. Хорошо ведь мне и так, Гвидончик, а? И шта они все пальцем показывают, мол, девка-перестарок уже. Девятнадцать лет, а ни мужа, ни детишек. Ох, шта же это делается, а? А ну сядь. Сядь, тебе говорю! Или ляг уже!

Гвидон послушно шлепнулся на землю, а наглая пигалица разлеглась прямо на нем, да еще его лапой укрылась. И волосы ее тут же принялись щекотать чувствительный драконий нос.

– А хочешь, я тебе сказку расскажу? Страх как сказки люблю... Даже читать выучилась сама, представляешь? Ну как сама – в школу в Погорелки бегала и под окнами сидела. Мамка-то у меня неграмотная была, могла и полотенцем огреть, когда меня с книжкой видела. Говорила, шта девке излишний ум ни к чему, главное – замуж хорошо выйти. Сама-то она и хорошо, вроде, вышла... А толку-то. Она ведь родами померла у меня на руках, понимаешь? И младенчик ее не выжил. Папка потом пил долго... Мне восьмой год был. А потом он все в город ездить стал на заработки, я уже большая была. Могла и воды наносить, и кашу сама сварить, да так вот однажды и сгинул там, в городе своем... Никто и не знает, что с ним случилось, помер, наверное.

Гвидон заворчал недовольно, искренне возмущенный. То есть как это – ребенка одного бросить? Он даже представить себе подобного просто не мог!

– А! Я ж тебе сказку обещала, слушай. Я сама придумала. Жила-была принцесса... Красивая, точно тебе говорю. И умная. И скромная, да. И был у нее дракон, такой огромный, крылатый... И жили они в замке, дружили. В шахматы играли. Ты, кстати, не пробовал? Интересная игра, только дорогушая. Я все хотела плотника попросить выточить мне фигурки, да ведь в Малиновке и играть-то не с кем, ну да не важно. Так вот, пришел однажды к принцессе рыцарь, весь такой высокий, кудрявый... На коне. А дракон с ним биться вышел. Ну и прогнал его к чертям полосатым, этого глупого рыцаря. И снова они с принцессой вдвоем жили и не тужили, долго, счастливо и распрекрасненько. Только дракон и принцесса.

Закрыла глаза, засопела. Заснула. Гвидон как мог обвился вокруг нее, крыльями укрыл. Спи, девочка. Спи, моя принцесса. Сказка твоя не закончена еще. Потому что дракон должен обратиться в один из дней прекрасным юношей и... И много чего этот юноша хотел бы с тобой сделать, сладкая ты моя. И сделает обязательно... когда придумает, как ошейник снять.

8. Ошейник

—Так, маленький, мы сегодня идем с тобой в лес, за грибами, – заявила Дарьяна. – Только вдвоем, ты и я.

С самого утра она была бледной, нервной и всё роняла. Ее понять можно: к вечеру должны были явиться родители Гриньки – разговаривать о свадьбе. Они вняли гласу разума и решили не засылать прямо сразу сватов, а пожелали просто переговорить, за что Дара была им несказанно благодарна. И волновалась, конечно. Напекла пирогов, наварила крутых киселей, вымыла весь дом так, что окна и пол сияли, побелила известкой крыльцо, даже заколотила щель в старом курятнике – чтобы только не подумали, что она плохая хозяйка. Вымела чистенько двор, насыпала свежей соломы в сарайчик к Гвидону.

Все было идеально.

Кроме Дарьяны.

Она проснулась еще на рассвете и поняла, что умрет от нетерпения, если не займется каким-нибудь делом. Готова была уже улицу вымести всю, аж до самых Погорелок.

В лес пойти – самое время. Грибов наберет, ягод. С драконом – это удобно. Разбудила этого соню пинками, едва ли не силой выволокла ворчащего зверя наружу, повесила на шею ему две огромные переметные сумки с корзинами и сама уселась верхом на спину – уже вполне привычно.

– Давай, поехали, шкура ленивая, – сквозь зубы процедила она. – Неча дома сидеть.

Гвидон заворчал. Он ночью ходил на охоту. Как всегда. Ничего сложного – засов на сарайчике не закрывался давным-давно, а дракона его хозяйка по-прежнему недокармливала. Все-таки в животной ипостаси питаться ему нужно было куда более плотно, чем в человеческой. К тому же молодой дракон еще только растет. Лет так сто ему до полной зрелости еще, ну, как минимум. За кашу по утрам и чугунок картошки с зайчатиной на ужин он, конечно, был несказанно благодарен, но это был, скорее, десерт. Деликатес. Конфетка к чаю. А настоящую еду он мужественно добывал себе сам.

Пришел, как обычно, к рассвету, а теперь вот эта пигалица чего-то еще от него, бедного и сонного, хотела. Вот же дурная баба, не зря ее комарихой прозвали в деревне. Зудит и зудит над ухом. Но делать нечего, Гвидону приходится открыть свои глазки и уныло плестись в сторону леса, благо, эту дорогу он и в полусне найти может, можно было не просыпаться.

– Шо, опять по ночам бегал? – ворчала Дашка. – Ты не дракон, ты крыса какая-то. Спать нужно по ночам, а не прыгать по лесу, аки блоха.

Нет, он понимал, что она догадывается о его ночных отлучках, но сегодня он добычи ей не принес, вот и откуда узнала?

– Да ладно, ты не виноват, – вздыхала она. – Это я вот такая дурная. Сама свадьбу затеяла, сама и решать буду.

От слова «свадьба» у Гвидона аж зубы свело. Что со всем этим делать, он пока не решил, но точно знал: не допустит. Нечего этому дурачку Гриньке тут ловить. Не для него эта ягодка созрела, все драконы известные собственники. Заворчал, а потом блаженно вздохнул, когда тонкие, но сильные пальчики почесали его прямо между пластин на шее.

– Стоять, приехали, – скомандовала Дарьяна, и он послушно опустился на землю, позволяя ей спрыгнуть со своей спины. – Ладно, ты поспи, я пока тут погуляю.

Он и рад был стараться. Плюхнулся на мягкий мох, опустил голову на сложенные лапы, вдохнул волшебный запах леса – такой вкусный, такой кружащий голову – и уснул мгновенно.

Проснулся, когда солнце уже было высоко.

Дашки нигде вокруг не было. Не понял – куда эта глупая вдруг подевалась? Вскочил, завертел головой, прислушался: зайцев слышит, птиц всяких, шишки падающие слышит, цокот

белок, шум ветра в кронах. А Дашки – нет. Потянул носом воздух: духом человеческим вовсе даже не пахнет.

Лес. Дремучий и дикий. Болота, топи, глубокие ямы, непроходимые буреломы. Медведи и волки, чьи янтарные глаза он видел в тумане ночного леса очень часто. Это дракон им был страшен, а маленькая эта глупышка? Да ее даже зайцы могли искушать! Еще были змеи, козьявки и злобные лесные комары. А если она заблудилась? С ее ростом для этого было достаточно даже малинника.

Всяких «если» было гораздо больше, чем ему бы хотелось.

Так, не паникуем, Гвидон, не паникуем. Дракон ты или каким местом? Давай нюхай. Очень жалко, что он не собака, на худой конец, можно было быть и зеленым драконом. У них, говорят, тоже чутье. А у морского дракона нос был, конечно, но так себе нюхал.

Но... запах этой женщины Гвидон не мог спутать ни с чем. Он к нему немного привык, но вот сейчас вдохнул воздух – и его снова накрыло. Мята, сосновые стружки и пирожки с малиной. М-м-м... пока она у околицы топталась, он ведь не утерпел, проглотил с десятков этих божественных пирожков. Ничего в жизни вкуснее не пробовал. И даже если поленом в лоб за это получит – оно того стоило!

Вот на запах пирожков он и пошел. Едва осязаемый, исчезающий за каждой лесной кочкой, но такой родной, такой домашний...

И как только эту курицу глупую занесло в эту глушь? Как пролезла только по бурелому, завалам вековым, проваливаясь в мшистые низинки, проползла самым краем болота. Куда ее только несло?

Сначала нашел корзину, полную отменных грибов, брошенную возле большой сосны. Испугался так сильно, что пришлось сесть и перевести дыхание. Чтобы жадная... нет, домовитая Дашка – да бросила свою добычу? Это все равно, что дракон золото спустит в унитаз – невозможно! Отдышался, принялся, подхватил корзину и упрямо поперся в глубь леса, все дальше. Главное, найти сейчас эту дурицу, а там – будь что будет. Звериные тропы, огромные перья древних папоротников. Глубокие мхи, шелест вечного леса. Снаружи палило летнее солнце, а здесь, среди вековых дубов, стоял сумрак. Белый дракон на этом фоне выглядел невероятно. Он шел и шел, прислушиваясь чутким слухом, трогая след раздвоенным длинным языком дракона. Теплее, теплее.

Тихое поскуливание прозвучало для его уха, как самая сладкая музыка. Рыкнул громко, только потом вдруг сообразил – напугает ведь Дашку еще больше! Но нет, она узнала его голос: – Гвидончик, миленький мой, а я здесь!

Все. Его просто даже подкинуло вверх от ее жалобного писка. Точно комарик! Маленькая, как же ты там? Не разбирая дороги, ринулся к ней, сшибая по пути тоненькие рябинки, обдирая бока об деревья – только бы она больше не плакала! Бросил корзину у ног девушки, скорчившейся под корнями огромного дуба, ткнулся головой ей в живот. Он ревела уже в голос, вся крупно дрожа.

Правда – недолго. Даша вообще обладала удивительной способностью успокаиваться очень быстро. Словно тумблер нажали внутри. Щелк – и через минуту она уже встала, отряхнулась и принялась быстро оглядываться.

– Ну шо, дракон, как выбираться будем?

Если бы Гвидон мог пожать плечами – он бы пожал. Так далеко в местный лес ему заходить еще не приходилось. Когда зайдет солнце и наступит ночь, он почувствует дом. Драконы всегда ощущали то место, куда возвращались. Но местное солнце отчего-то его очень сильно сбивало. Мог бы, конечно, вспомнить уроки отца...

Но Дашка уже решительно обхватила руками его шею.

– Ты меня только не жри, маленький, – тихо шепнула.

Что она делает? Неужели...

Да. Ошейник под ее пальцами сполз легко и просто.

Гвидон глаза вытаращил, все еще не веря себе.

– Ну шта вылупился? – проворчала Дашка. – Давай, трансформируйся. Ты ж летать сможешь, да? Вот над лесом и погляди, как нам обратно идти.

Ненормальная! Да разве можно вот так... доверять ему? Он ведь может теперь с ней что угодно сделать! Вот прямо сейчас обернуться человеком и ее изнасиловать. Или стать величиной с дом и сожрать. А она смотрела так доверчиво, спокойно и мягко, поглаживала его по голове и улыбалась.

Черти морские с хвостами и жабрами, что же делается? Чтоб его чешуе стать вдруг розовой!

Расправил с хрустом огромные крылья – блаженство! Оттого, что так долго бездействовали, они сладко занули, загудели. Сильно меняться не стал, чтобы ее не пугать. Наклонил к девушке голову и опустил на плечо. Ему показалось – очень осторожно, а Дашка аж пошатнулась. Крыло опустил, изо всех сил внушая: залезай давай быстро верхом. Полетели уже, полдень на дворе, а к вечеру гости припрутся. Ну давай, не ломайся. Сама же ошейник сняла, так что не ври, что боишься.

А Дарьянка и не боялась нисколько. Только зажмурилась от того, какой он, оказывается, красивый. И сильный. И куда делась только его болезненная неуклюжесть? Он словно обрел завершенность, идеальную форму. Красавец! Ну и как на такого верхом?

А очень запросто! Переметные сумки наполнила доверху, тщательно все ремни подтянула, потому что грибы да ягоды бросить – это совсем душой надо быть. Как бы невзначай притрагивалась пальцами к новой его чешуе. Он блестел, будто бы весь драгоценный. В сумраке темного леса выглядел будто огромная куча искристого льда. И эти крылья – переливались, светились, огромные, сильные. Дракон молча косился на нее своими голубыми глазами. Даже морда его изменилась – огромная, с массивным клювом. Вот недаром потратила Дашка на него такую уйму деньжищ, не продешевила. Залезла на спину, устроилась поудобнее, ноги согнула в коленях.

– Н-но, лошадка моя!

Взлетать в густом лесу с всадником и грузом, пусть и пристегнутым – тот еще акробатический трюк.

Даже совы и те это делали с веток вековых деревьев. Оглянулся вокруг, краем глаза заметив, как хозяйка смотрела сейчас на него – со смесью восторга и обожания. Крыль и трепанги! Надо не опозориться, а вот как? Он не ракета совсем реактивная, хотя даже тех запускают с площадок.

Пытаясь сохранить важность, медленно и горделиво прошел к просвету между огромными дубами, туда, где один был повален и очень давно. Что дальше? Посмотрел вверх, повертел головой – пауза затягивалась. Что же, придется вспомнить уроки матушки по выныриванию из бездн и глубин океана. Как помесь дракона с косаткой, он должен был это уметь. Сильно напрягся, свернулся всем телом в могучую пружину и прыгнул – почти вертикально, стремительно, мощно работая длинным хвостом и огромными крыльями. Дашка визжала, как местная дикая белка, цепляясь за свои драгоценные сумки с грибами. Удивительно и невозможно: орала она не от страха. С восторгом голосила что-то дикое, какие-то страшно воинственные песни во всю силу девичьих легких. Безумная девка. Никому он ее не отдаст!

На опушку опустил так мягко и аккуратно, что сам собой возгордился. Никогда он еще так не старался!

Дашка соскочила, обхватила его за морду, поцеловала в нос – Гвидон чуть не завилал хвостом от счастья. Растаял, как мороженое, размяк – и совершенно упустил тот момент, когда эта маленькая коза ошейник проклятый снова у него на шее застегнула. Вот же! Надо было мужиком оборачиваться, а не в благородство играть!

И-ди-от! Ну какой же он идиот!

—Ладно, не обижайся, – весело сказала Дашка. – Полетал и будет. Ты все же мое имущество. Причем ценное. Сокровище ты мое! Поэтому – не отпускай, и не думай.

И как ей это удалось вот так вывернуть? И слова какие нашла! Сокровище! Это Гвидон хорошо понимал, он в сокровищах разбирался.

Поплелся за ней следом, опустив голову. И ненавидел ее сейчас, и удивлялся подлости человеческих женщин. Вот так – подразнила свободой и тут же назад забрала, разве можно так? Впрочем, чему вообще удивляться – он для нее имущество. Зверь бессловесный. Над которым и поиздеваться властью можно. Ничего, Дашунь. Драконы – они, знаешь ли, твари злопамятные. Мстительные. Этот вот ошейник и предательство Гвидон в своей большой голове отложил на не самую дальнюю полочку памяти. Еще сочтемся, красавица.

А уж визг, раздавшийся из избы, когда он героически привел эту непутевую девку домой и дотащил ее корзины, он и вовсе ей припомнит. Ну, пироги. Что значит, когда успел? Тогда и успел, еще перед выходом. И не все ведь съел, оставил немного для гостей. Целых четыре штуки. А она его – полотенцем! Его, который ее сегодня спас ценой своей свободы! А мог бы просто улететь, бросив ее там, в лесу, на съедение диким зверям.

Конечно, Дашка потом извинялась – не прошло и получаса, как она ему те самые оставшиеся пироги притащила и буквально в рот запихала с многословными извинениями. Сама себя дурой неблагодарной называла – и он был с ней совершенно согласен.

9. Свобода?

Следующая партия пирогов – уже больших, аки каравай, круглых, открытых (Гвидон назвал бы это блюдо пиццей с малиной, если бы ему позволили хотя бы нос к печке сунуть) – подоспела akurat к приходу гостей. К счастью, в деревнях принято, чтобы «гости дорогие» вот по таким делам приходили по темноте, а летом темнеет поздно. Тетка Маланья сказывала, что традиция эта неспроста пошла. Сватов видеть не должны, чтобы не сглазить – ну, так Дарьянка всю жизнь думала. А тетка расхохоталась и сказала, что это для того, чтобы непонятно было в темноте, к кому в дом они ходили. А то вдруг из дома невестиного их метлой поганой погонят, и все это увидят. Позору же не оберешься.

Только вот нормальные люди ночью по дворам не шастают, только сваты да тати, и порой еще неясно, кто из них опаснее. Завтра вся Малиновка как пить дать будет обсуждать, кому там счастье по осени привалит.

Насчет счастья Дарьяна весьма и весьма сомневалась. С каждым днем ей все больше чудилось, что брак – это вот вообще не для нее.

И то – по хозяйству она и сама справлялась, а уж с драконом и вовсе припеваючи жила. Желаний каких-то особых у нее не возникало, разве что сны срамные снились под утро, но она их в суматохе дня почти сразу же забывала.

Хотя Гринька, конечно, жених завидный. Даже если на красоту его не смотреть, то все равно – единственный сын у родителей, две сестры у него еще младших, да ведь отец – тоже скорняк, дело свое зятю не передаст, все Гриньке останется. Мать у него тоже тетка неплохая, строгая, конечно, но не склочница и сплетни не распускает. Строгая баба, ее все Погорелки боятся.

Дарьяна пока не боится, хоть возможно, и зазря.

В семье Прасковья Никаноровна всегда была главная, тут даже спорить бессмысленно. Вон, муженек ее, такой же большой и кудрявый, как Гринька, молчит, сидит у окна, киселек ложкой тихо только хлебает. А тетка Прасковья в каждый уголок дома нос свой длинный уточкой засунула, в каждую чашку заглянула.

Дарьянка зубами скрипит, а поделывать ничего не может – свекровь будущая в своем праве. Радость нечаянная только тогда и приключилась, когда свекровушка, невзирая на предупреждения, в сарай к дракону зашла. А тот как раз зевнул широко и влажно, обрызгал любопытную тетку липкими слюнями да еще и искрами полыхнул так, что подол пришлось тушить.

Тетка Прасковья, как ни странно, даже не заорала, только глянула на Дарьянку с уважением и спросила:

– Слушается тебя скотинка-та?

– Слушается, – гордо ответила Дара. – И в упряжи у меня ходит, и под седлом. И еще сам охотится.

– Славно, славно, — и в дом вернулась, но за пироги хвататься не спешила.

Дарьяна молчала – а что тут скажешь? Прасковья старшая, ей и начинать разговор. А тетка все хмурилась.

– Вот что я скажу, Дарьяна, – наконец решила она. – Девка ты, конечно, справная, хозяйственная. Кремень, а не девка.

Дарьяна кивнула. Дракон, нагло подслушивающий под окном, тоже кивнул. На комплимент слова тетки Прасковьи походили мало.

– Я так вижу – мы с тобой не сживемся, – снова, как камень, уронила тетка. Снова пауза.

Дарьяна не утерпела, тихонько шепнула:

– Так и не надо, наверное. У вас свой дом, у меня тут тоже нажито немало. А скорняк в Малиновке совсем старый. Недаром все наши давно в Погорелки ходят.

– И то верно, – кивнула Прасковья, ловко подхватывая кусок пирога. – А шо, малина свежая, да?

– Утречком сбегала в лес, – выдохнула «невеста», уже понимая – раз гостя пирог взяла, стало быть, дальше деловой разговор пойдет.

– До осени тянуть смысла не вижу, – веско сказала Прасковья. – Шта нам та осень? Тем более, тут у тебя свой огород, свой сенокос. Да и руки мужские по хозяйству не лишние будут. Изба вот на левый угол покосилась, бани своей нет, курятник того и гляди развалится. Порося пошто не заведешь?

– Некуда, – коротко ответила Дарьяна. – Свинарник строить надо, дорого. Да и не управлюсь я сама со всем хозяйством.

– Ну так муж на что? И баню поставит, и свинарник построит, да, Гринь?

Гринька равнодушно кивнул, доедая шестой, кажется, кусок пирога.

– Только, Дарьяна, ты ж семья наша будешь. А сама знаешь – скорнякам что главное? Шкуры. Вот как скотину резать будем, твои руки совсем не лишние окажутся.

Дарьяна все это знала, чай, не первый год в деревне жила. И в принципе была готова. К тому же, что и говорить, понимающая свекровь – это сокровище просто.

Только... отчего ж ей так выть хочется? И Гринька этот... сидит, мычит, пироги жует. Нет бы слово хоть сказал! Ведь так всю жизнь и будет слушать одну только мамку, а Дарьяну уже – в третью очередь или даже больше.

Тетка Маланья ей, впрочем, рассказывала на днях поговорку про ночную и дневную пташку, но за неимением опыта Дара ничего не поняла, а теперь вот страдала.

– Стало быть, на следующей неделе и свадьбу сыграем, – бодро подвела итог Прасковья Никаноровна, и Дарка от неожиданности чуть со стула не сверзилась.

– Как на следующей? – только и пискнула она.

– А шта тянуть быка за яйки? Быстрее обженитесь – быстрее хозяйство наладите. Глядишь, уж к следующему лету и внука мне родишь. Ты не бойсь, нянек у нас хватит, поможем. Ну шо, пошли что ли, мужики?

Мужики в унисон кивнули и одновременно поднялись из-за стола. От пирогов остались лишь крошки. Кисель тоже кончился. Дарьяна с ужасом думала, что готовить свадебное пиршество надо начинать уже завтра. Если у Гриньки вся родня такая прозорливая, то она свихнется непременно.

Ну, хоть сестры его помогут да мать, да тетка Маланья.

Ох, дел-то теперь невпроворот. Платье из сундука свадебное достать да перешить – мамка-то выше, чем Дара, была. Гостей позвать. Столы да стулья по всей деревне собрать. А все, что Дарке внезапно хотелось – это забиться в сарайчик к своему дракону и сидеть там, носа не высовывая.

Родня новая вдруг отчего-то встала на пороге, не смея выйти.

– Доча, ты бы зверя своего отозвала, – шепотом попросила Прасковья. – А то шо-та он смотрит недобро. Голодный, небось?

Дарьяна вздохнула, вышла на крыльцо и ногой драконью морду отпихнула. Непонятливые такие, видно же, что дракон смеется. Морда у него вовсе не злая, а наоборот, очень даже умильная.

Бочком, бочком, под насмешливым взглядом ее чешуйчатого друга гости быстро покинули двор. Тот вдруг сморщился и вслед им чихнул огнем. Дарьяна догадалась – специально, но даже ругаться не стала. Просто села прямо ему между лап, голову обняла белую и, вздохнув, прошептала:

– Гвидончик, почему так глупо все получается? Вроде все правильно делаю: девке место за мужем. И Гринька – он хороший, добрый, рукастый. Красивый вполне. И мне бы радоваться

только, что такого жениха отхватила. И мамка у него с пониманием, и жить в моем доме будем. Отчего ж тошно так, а?

Гвидон только вздохнул душераздирающе, а может – зевнул.

Дарьянка же посидела с ним еще немного и спать пошла. Утро вечера мудренее.

А дракон, рыча и нервничая, рысцой поскакал в лес. Дашка его, конечно, дура несусветная. Но дура красивая и вообще – его. Отдавать ее какому-то деревенскому Гриньке ему совершенно не хотелось.

Ему было тошно, он понимал – ревнует. И в то же время в таком вот обличье сделать ничего не мог. Но однажды она уже сняла ошейник, а значит – и второй раз снимет. И больше он своего шанса не упустит.

К тому же его красотуля ошейник второй раз надела на дракона криво, когда он был вполне себе в «летучей» форме. Спасибо Создателю и за эти небольшие радости. А еще – он совершенно не голодал, был полон сил и энергии, а значит – мог летать высоко и далеко. Чем и собирался заняться.

Несколько ночей подряд он пытался понять, какая дрянь заключена в его ошейнике, кроме абсолютного запрета трансформации. Напасть на хозяйку тоже было нельзя, не то чтобы он этого хотел... но все же в тот единственный раз, когда он посмел на нее огрызнуться, ошейник нехило так перекрыл ему кислород. Против прямого запрета хозяйки тоже было выступить нельзя – он на курицах проверил. А вот летать ему Дашка не запрещала и охотиться едва ли не прямым текстом позволила, поэтому сейчас Гвидон парил над лесом и мрачно размышлял о бренности бытия. И планировал, как это самое бытие под себя прогнуть.

Гвидон дураком никогда не был. Просто растерялся в этом мире поначалу. Теперь мозг его работал в полную силу, он совершенно серьезно продумывал стратегию похищения своей хозяйки и все последствия этого демарша. Под утро вернулся усталым, но довольным и спокойным. План имелся, плацдарм для отступления тоже. Крылья, правда, болели с непривычки, и голова слегка кружилась, но это, право – такие мелочи!

День свадьбы приближался неотвратимо и стремительно. Если раньше и Дарьяна, и дракон наслаждались долгими летними вечерами, то теперь маленькая хозяйка с каждым днем все больше грустнела и бледнела. Есть почти не ела, спала плохо, зато суетилась изрядно. Платье перешила, половиками весь двор устелила, постоянно что-то пекла и варила. Гвидон бы ее пожалел, но его в эти дни кормили как на убой со словами:

– Маленький, тут у меня ватрушки кривобокие вышли, скушай, не побрезгуй, спаси меня от позора.

Или:

– Нет, это не колбаса, это отравка какая-то, мясника убить мало.

Кстати, нормальная была колбаса, просто чеснока слишком много. Ну, и в тонких нотках закуски чуткий драконий язык обнаружил немного крысиной шерсти.

До свадьбы оставался всего лишь день. Все было готово – и столы, и угощение, и наряд. И даже телега о шести колесах была украшена цветами и лентами – именно Гвидону полагалось торжественно доставить Дашку к дому старосты Погорелок, который внесет в свою толстую книгу имена молодоженов.

Гвидон тоже не мог спать, все продумывал каждый свой шаг. Как лучше – утащить ее ночью, пока все спят, сонную, или прямо со свадьбы, чтобы еще и шоу устроить? Нехорошо людей лишать развлечений, верно? И в том, и в другом случае могли возникнуть проблемы, да что уж говорить – они непременно возникнут, но лучше сделать и жалеть, чем вовсе не пытаться.

– Пошли, маленький, – неожиданно возникла перед ним бледная как смерть невеста. – Погуляем немного.

Дракон вздохнул. Погулять – это можно.

Дашка довела его до самой опушки леса, обхватила его за шею, прижалась доверчиво и шепнула:

– Знаешь, жалеть буду. Уже жалею. Но свобода – самое ценное, что есть в жизни. Сама себя я сделать свободной не могу, а ты, мой друг, лети. Может, найдешь себе еще самку, постройте гнездо и все такое. Будешь счастливым. Негоже тебе, сильному и могучему, в сарае жить, да еще, знаешь, не нравится мне, как Гринька на тебя смотрит. Слышала я, что он доспехи из драконьей шкуры обещал кому-то пошить, поэтому...

Сделала шаг назад, утерла слезы. В руках у нее был ошейник, который она с силой зашвырнула куда-то в траву.

– Ну что вылупился? Вали давай! Улетай, быстро, – Дарьяна кричала, подпрыгивая и размахивая руками. – Проваливай!

В этот раз Гвидон и не подумал играть в благородство. Расправил крылья, взмахнул ими, хищным движением схватил свою хозяйку передними лапами и взлетел над лесом.

10. Привет, я дракон

Ах, как она визжала! У дракона закладывало уши, то и дело хотелось отпустить Дашку и постучать себя по голове, выбивая этот ультразвук. Не отпустил, конечно. До гор дотянул с трудом, уже на одном драконьем упрямыстве. Так далеко и долго летать, да еще и с грузом, он отвык, но показаться перед Дашкой слабаком Гвидон себе позволить не мог. Девушка эта, на первый взгляд казавшаяся такой мелкой и легкой, теперь ощущалась весом в тонну, не меньше.

Опустился в заранее выбранном месте чисто как мешок с картошкой – уже не до изящества и красования, когда крылья сводит судорогой. Не будь тут Дашки – он бы просто лег на землю, распластался бы тряпочкой, но этой комарихе ни в коем случае нельзя показывать слабость свою – мигом кровь выпьет.

Дашка испуганно оглядывалась по сторонам. Пещера, в которую ее притащил этот недоносок, была большой и неровной. Потолок с одной стороны спускался совсем низко, в середине в нем зияли черные провалы, а с другой стороны было что-то вроде ниши аккурат размером для дракона. Бежать было некуда: большая белая туша перегородила выход из пещеры.

Смерила его негодующим взглядом, огляделась еще раз и подняла с земли увесистый острый камень.

– Даже не думай, – неожиданно заговорил человеческим голосом дракон. – Руку откушу.

– Ты... разговариваешь, – в ужасе попятилась от него Дарьяна, наступая на длинную юбку. Упала на пятую точку, быстро поползла от него подальше.

– Только без ошейника, – буркнул Гвидон, скалясь. Он пытался изобразить улыбку, но напугал ее еще больше.

– Нет, не подходи ко мне! – взвизгнула глупая девка. – Не ешь меня, Гвидончик!

– Да я как бы и не собирался, – несколько обиженно ответил он. – Больно надо. Ну что ты орешь? Я хоть раз тебя обидел?

Девушка икнула и медленно покачала головой.

– Но зачем? – задала она вполне резонный вопрос.

– Ты моя, – твердо и честно ответил Гвидон. – А не какого-то там Гриньки.

– Но зачем я тебе – дракону? – захлопала глазами девушка.

В ответ он лишь усмехнулся и весь пошел волною, уменьшаясь, усыхая. Через мгновение перед Дарьяной стоял мужчина... нет, еще совершенно мальчишка. Судя по длинному худощавому телу с белой кожей, руками-ногами длинными, будто не по размеру – совсем молодой. Копна белых волос рассыпалась по плечам. Длинное лицо, нос такой непомерно огромный, горбатый. Губы яркие, пухлые, словно бы у девушки, белые же брови тонкие и вразлет. Урод какой-то. Не как Гринька – у ее жениха круглое лицо и нос картошкой. Только глаза у «дракона» остались прежними – ярко-голубыми, как небо в ясный день. Невероятно красивые, в белых пушистых ресницах, делавших его взгляд загадочным и даже немного застенчивым.

А еще «дракон» был совершенно, абсолютно голым. Дарьяна еще никогда не видела вот такого откровенно голого мужчину. Вместо того, чтобы отвернуться или в крайнем случае завизжать, закрыв лицо руками, она, приоткрыв рот, жадно его рассматривала. Тощие лодыжки, тонкие кисти рук, широкие плечи, выпирающие ребра и ключицы – мало она его кормила, мало! А то самое, что у мужчин между ног, вдруг зашевелилось под ее пристальным взглядом. Вот тогда-то она и заорала как оглашенная.

Был бы камень под рукой – швырнула бы.

– Не нравлюсь? – удивился Гвидон, даже не пытаясь прикрыться.

– Ты... мужчина!

– Надо же, она заметила! Так тебе эту ошеломительную новость ханыга тот сообщил еще на рынке.

– Ты за мной на речке подглядывал! И в бане! И вообще... Ты надругаться хочешь? Я буду сопротивляться!

– Размечталась! Меня на желание надругаться над деревенской дурехой еще надо уговорить. И с приплатой не надо. Я, дорогуша, дракон. Бессмертный наследник великого рода Лефлогов. Для тебя – почти Бог.

– А пошто тогда крал? – никак не могла понять Дарьяна.

– Спасал тебя, дуру. Повелся на сопли твои и на слезы. Ты же замуж совсем не хотела, день и ночь только ныла.

Дашка открыла рот, подумала, закрыла. Он ненормальный. Совершенно точно. Ну подумаешь, поныла она немножко, посомневалась. Бывает перед свадьбой с каждой невестой. Уж точно не просила ее похищать.

Представила вдруг лицо Гриньки, который ее поутру в доме не найдет – ни ее, ни дракона. Невесть что подумает. Позора теперь не оберешься!

– Слушай, дракончик, а верни меня домой, пожалуйста, – жалобно попросила она. – Я никому не расскажу, что ты вот такой. Ну я ведь тебя освободила...

– Так и я тебя освободил.

– Ну это ведь другое. У меня там жених, пирогов напекла вон на свадьбу.

– Вот и прекрасно. Поест и поди успокоится. Женишок твой безмозглый. Кстати, уже... – он взглянул быстро на солнце, потом на тень от камня на входе, – и не жених. Церемония не состоялась, все плачут и жрут пироги. Можешь расслабиться.

Сказал как отрезал, а потом развернулся, беззастенчиво показав ей тощие ягодицы, и вышел, кинув только напоследок:

– Да, не пытайся сбежать, неразумная наша. Тут это не выгорит. А собирать по кусочкам девицу мне недосуг. Вдрызг разобьешься.

Разумеется, она не послушалась, кинулась за ним следом. Успела увидеть, как этот бледнокожий безумец шагает прямо в пропасть с утеса – и через мгновение воздух наполняет шум крыльев. Дракон быстро улетел прочь, оставив ее в пустой темной и странной пещере одну совершенно.

Красивый такой дракон – белоснежный, могучий, мощный... и такой противный человек, что же за несправедливость!

Был бы он богатырем – крупным, кудрявым, круглолицым, с бородою окладистой, гладкой, Дарьянка сто раз подумала бы еще про то, как ей свезло. Но этот: длинный, тощий и блеклый, как глист, больше похожий на Вильку – старую деву из соседней деревни – такая же швабра, замуж никто не берет. Нет, такой ей не нужен совсем, совершенно, ни капельки.

Подползла к краю обрыва, взглянула вниз. Ух, высоко! Уж на что она никогда не боялась высоты, но тут голова закружилась. Нет, так ей не сбежать, должен быть другой выход.

Вернулась в пещеру и уже спокойно оглядела свое временное пристанище. Пещера явно носила отпечатки человеческих рук. В нише лежали какие-то тряпки, имелось ветхое одеяло. В стену были вбиты металлические крюки с обрывками веревки. Можно тут повесить белье и все такое. Отгородить нишу, словно ширмой. Встряхнула одеяло – сгодится. Если не найдет, как выбраться – будет спать тут.

Но выход должен найтись – это непременно. Раз здесь были люди, они должны как-то были выбираться. Снова вышла на утес, прикидывая: вот тут, сбоку, вроде как ступеньки были... когда-то. Или кажется ей только? Куст растет удобно: можно уцепиться за него. А снизу площадка уже пологая, если до нее доползти, то дальше уже можно будет спуститься почти что безопасно. Да уж лучше ноги переломать и шею свернуть, чем куковать тут в ожидании милости со стороны этого чешуйчатого гада! К тому же она легкая, ловкая – как горная коза, не меньше, ничего прям уж сложного, запросто она и спустится.

Выступ, похожий на ступеньку, ошупала голой ногой – вроде прочный, спустилась осторожно, пальцами да ногтями за камень цепляясь, дальше еще шаг вниз и еще... вот и куст тот самый. И будь она повыше ростом, все бы удалось, да только до следующей «ступеньки» нога не дотянулась, а куст уже затрещал подозрительно. Дарьяна заболтала ногой в воздухе, запаниковала. Вторая нога вдруг с камня соскользнула, куст выскочил из земли, аки морковка с той грядки, и девушка с визгом соскользнула прямо в зияющую пропасть.

Ну, это ей так со страху показалось, на самом деле – не так уж и высоко она летела, приземлившись на очередной выступ огромной скалы, но на камни острые – больно. И шумно.

Когда поняла, что живая – едва не заревела. А встать попыталась – и вовсе взвыла в голосину. Нога болела ужасно, знать – сломана. В груди печет, на щеке мокрое. Потрогала: и красное вдобавок. А еще дышать больно. Словно в сердце тысячу иголок воткнули. Ах! Все дракон этот проклятый виновен: он ее утащил, он ее и погубил! Из-за змея подкожного этого умирает она в одиночестве, вся побитая и израненная, в чужих местах, и никто не найдет. Даже не похоронят, растащат ее тело дикие лисицы, косточки ее сгрызут. И до того Дарьяне себя жалко стало, что она все же заскулила тихонечко, свернувшись клубочком на холодных жестких камнях.

Над головой раздался вдруг свист больших крыльев. Дарьяна готова была провалиться сквозь камни. Круг, другой, дракон ее явно искал. Еще круг: ниже, ниже. Пролетел прямо под ее ногами, взмыл рядом, едва не задев скалу крыльями.

Нашел, зарычал так, что деревья пригнулись. Снова круг. Крохотная площадка, на которой Дашка лежала, прижавшись всем телом к скале, явно не подходила для посадки такой увесистой тушки, как белый Гвидон.

Дара следила за его полетом, затаив дыхание. Что он делает? Сделав очередной круг над скалой, дракон вдруг устремился прямо на стену. Рехнулся? Решил размножить себе голову просто со злости? Что он творит?

А Гвидон, устремившись на каменную вертикаль, буквально впечатался телом в ее каменное ребро, уцепившись всеми своими лапами, крыльями, кажется, даже – зубами. Огромная туша ползла в направлении Даши. Медленно, шаг за шагом, неотвратно и страшно.

Могла бы куда уползти – уползла бы. Сейчас он ее тут сожрет, зубами разок клацнет – и не будет больше в этом мире одной глупой девки. Растерзает, скинет останки прям в лес. Хотя... зачем тогда так странно ползать? Совсем ненормальный.

Еще движение – и дракон вдруг сорвался, пролетев вниз с десятков метров, кувыркаясь и ударяясь о камни с отчаянным рыком. Ох! Дарьяна от ужаса попыталась вскочить, закричала. А что было делать – ловить змея за хвост?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.